

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская

«_____» _____ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ
ФЕМИЦИДА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ**

Научный руководитель _____ канд. филол. наук,
доц. ТГРЯиПЛ
Ю.А. Горностаева

Выпускник _____ Н.Э. Садыгова

Нормоконтролер _____ Д.М. Тербалян

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЛЕГИТИМАЦИЯ И ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В СМИ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ .7	
1.1. Легитимация и делегитимация как обратные процессы придания легитимности/нелегитимности.....	7
1.1.1. Стратегии и субстратегии легитимации/делеги- тимации	8
1.1.2. Стадии установления легитимности в процессе легитимации	11
1.1.3. Легитимация как объект научного исследования.....	13
1.2. Массмедийный дискурс как пространство реализации легитимации/делеги- тимации	15
1.3. Фемицид как острая социальная проблема: к истории вопроса.....	19
1.4. Фемицид в контексте лингвистических исследований	23
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	26
ГЛАВА 2. ПРОЦЕССЫ ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ФЕМИЦИДА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ: СТРАТЕГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА	29
2.1. Стратегии легитимации фемицида в латиноамериканской прессе	29
2.1.1. Стратегия моральной оценки и языковые средства ее реализации .	29
2.1.2. Стратегия апелляции к авторитету эксперта при легитимации фемицида	36
2.2. Стратегии делегитимации фемицида в латиноамериканских СМИ.....	39
2.2.1. Стратегия моральной оценки при делегитимации фемицида.....	39
2.2.2. Языковая реализация стратегии апелляции к авторитету эксперта при делегитимации фемицида	49
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	57
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	65
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	71

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время многие психологи, социологи и лингвисты, а также средства массовой информации обращают особое внимание на проблему гендерного неравенства, фемицида и социальной жестокости. Всем очевидно, что нельзя называть убийства женщин, происходящие на почве ревности или из-за вседозволенности и мнимого превосходства мужского пола, простой «случайностью» или «неосторожностью». Важно понимать, что это результат домашнего насилия со стороны мужчин, игнорирование которого приводит к распространению безнаказанной жестокости и усугублению дискриминации женщин. Ответственность должна возлагаться как на человека, совершающего убийство, так и на государство и СМИ, которые нередко умалчивают факты насилия над женщинами.

Государство – это та система, с подачи которой в средствах массовой информации через трансляцию определенной информации легитимируются или делегитимируются разного рода социальные феномены. Так, журналисты играют немаловажную роль в процессе легитимации/делегитимации фемицида. Принимая во внимание тот факт, что в настоящее время законов, защищающих права женщин, недостаточно для обеспечения их полной безопасности, а агрессия со стороны мужчин не только не порицается, но и оправдывается прессой, можно заключить, что женщины оказываются в опасном и незащищенном социальном положении. В Латинской Америке проблема фемицида уже несколько десятилетий стоит достаточно остро. Пресса умалчивает вопиющие случаи убийства женщин и нередко выставляет насильника жертвой, легитимируя фемицид.

Актуальность работы определяется, во-первых, чрезвычайной важностью самой проблемы фемицида в современном мировом сообществе, в особенности – в Латинской Америке; во-вторых, стремлением средств массовой информации легитимировать преднамеренное убийство женщин и преподнести его как случайное стечение обстоятельств; в-третьих, растущим

интересом ученых к исследованию процессов языковой легитимации и делегитимации различных социальных феноменов, позволяющим описать языковые механизмы установления легитимности/нелегитимности.

Объект настоящего исследования – процессы легитимации и делигитимации фемицида в латиноамериканской прессе.

Предмет исследования – стратегии легитимации и делегитимации фемицида в латиноамериканской прессе и актуализирующие их языковые средства.

Цель исследования: выявить стратегии легитимации и делегитимации фемицида в латиноамериканской прессе, а также актуализирующие их языковые средства.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Описать теоретические основы теории легитимации и делегитимации как процессов придания легитимности/нелегитимности объекту легитимации/делегитимации, опираясь на данные отечественных и зарубежных исследователей.

2. Рассмотреть номенклатуру выделяемых в настоящее время стратегий и тактик легитимации и делегитимации.

3. Охарактеризовать массмедийный дискурс как пространство разворачивания процессов легитимации/делегитимации, а СМИ – как источник легитимации/делегитимации.

4. Представить фемицид как остросоциальную проблему, находящуюся в центре внимания исследователей различных отраслей знаний, в т. ч. – лингвистики.

5. Выявить стратегии и тактики легитимации/делегитимации фемицида в латиноамериканской прессе, а также актуализирующие их языковые средства.

6. Рассмотреть процессы легитимации и делегитимации фемицида в Латинской Америке в диахроническом аспекте.

Материалом исследования стали массмедийные тексты на испанском языке, отобранные методом целевой выборки из различных латиноамериканских Интернет-ресурсов (*Diario de México, La Tercera, Miguel Ángel Luna Noticias, La Nación, Página12, El Universal, El Observador, La Capital, El Desconcierto*) и содержащие упоминание о феминизме, общим объемом 150 000 знаков.

Методология исследования опирается на следующие общенаучные и частнонаучные методы: метод дискурсивного анализа массмедийного дискурса, метод анализа стратегий и тактик легитимации/делегитимации, коммуникативный анализ, лексико-семантический анализ, анализ словарных дефиниций.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью выявить языковые механизмы легитимации/делегитимации феминизма и представить феминизм как остросоциальную проблему.

Теоретическую и методологическую базу данного исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов по теории легитимации (М. С. Suchman, 1995; T. van Leeuwen, R. Wodak, 1999; А. В. Колмогорова, 2018б), работы, посвященные выявлению стратегий легитимации и делегитимации (T. van Leeuwen, R. Wodak, 1999; А. В. Колмогорова, Ю. А. Горностаева, 2021), научные публикации, освещающие стадии установления легитимности (М. С. Suchman, 1995; P. S. Tolbert, L. G. Zucker, 1996; А. В. Колмогорова, 2018а), труды по массмедийному дискурсу (Т. А. van Dijk, 1998; О. Н. Демушина, 2008; Т. Г. Добросклонская, 2015), статьи, в центре внимания которых находится проблема феминизма, в т.ч. в языковом аспекте (D. Tannen, 1991; A. Vega Montiel, 2014; Ю. А. Горностаева, 2021).

Структура работы: бакалаврская работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Во **Введении** приводятся объект и предмет исследования, ставится цель и соответствующие ей задачи, обосновывается актуальность, а также описывается теоретико-методологическая база и материал научной работы.

В Первой главе раскрывается центральное в рамках настоящего исследования понятие «легитимация», а также противопоставляемый ему термин – «делегитимация», приводятся теоретические основы изучения легитимности/нелегитимности в языковом аспекте, описывается массмедийный дискурс как пространство реализации легитимации и делегитимации.

Вторая глава представляет собой анализ материала исследования с целью выявления стратегий и тактик легитимации и делегитимации фемицида в латиноамериканской прессе и вербализующих их языковых средств.

Заключение подводит итоги исследования и очерчивает его дальнейшие перспективы.

В списке литературы представлены труды отечественных и зарубежных авторов по исследуемой проблематике в количестве 56 источников.

Апробация работы: результаты исследования представлены на двух международных научных конференциях: «Язык, дискурс, (интер-)культура в коммуникативном пространстве человека (2023 и 2024 гг., Красноярск).

ГЛАВА 1. ЛЕГИТИМАЦИЯ И ДЕЛЕГИТИМАЦИЯ ОСТРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В СМИ: СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ

1.1. Легитимация и делегитимация как обратные процессы придания легитимности/нелегитимности

Русскоязычный термин «легитимация» является калькой английского слова *legitimation*, которое, в свою очередь, восходит к латинскому существительному *lex, legis* – «закон». Таким образом, в самом общем смысле легитимация понимается как «признание или подтверждение законности каких-либо прав, полномочий, организаций» [Современный словарь иностранных слов, 1992: 335, цит. по: Колмогорова, 2018б: 33].

Термином *легитимация* называется *процесс*, посредством которого некоторый феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений; это процесс установления легитимности [Suchman, 1995]. Так, легитимация подразумевает под собой создание позитивного образа объекта, в то время как делегитимация – это процесс лишения правомерности.

Согласно Д. Битаму [Beetham, 1991: 78], феномен легитимности – это соответствие между нормами и правилами, разделяемыми большинством членов некоторого сообщества, и теми способами, которыми в нем осуществляется власть. Таким образом, власть легитимна, если соблюдаются 3 важнейших условия: 1) законность – приверженность принятым в сообществе правилам приобретения властных полномочий и их применения на практике; 2) согласие членов сообщества с решениями власти, проявляющееся в участии граждан в выборах и других социальных акциях; 3) обоснованность, т. е. соответствие решений власти интересам и ценностям сообщества [Колмогорова, 2018б: 34].

Социополитический аспект изучения легитимации базируется на таких понятиях, как «коллективное понимание», «социальный порядок»,

«общественное признание», и как результат предполагает признание правомерности политической власти и принятых властью решений внутри социума [Berger, Luckmann, 1967; Weber, 1978; Скиперских, 2007].

В дискурс-анализе легитимация – это дискурсивный процесс создания ощущения легитимности у участников относительно объекта легитимации (феномена, социальной реальности, власти); исследователи дискурса обращают особое внимание на стратегии и тактики легитимации, а также реализующие их языковые средства [Vaara, Tienari, Laurila, 2006; van Dijk, 2008; van Leeuwen, 1995; 2008; Vaara, Tienari, 2008; Joutsenvirta, Vaara, 2015].

Нередко требуется установление легитимности какого-либо социального института, чтобы общество признало его право на осуществление своей деятельности, а сам институт стал восприниматься как законный и авторитетный, не вызывал отторжение у членов социума [Ромашова, 2013].

Подводя итоги, отметим, что легитимность определяет степень правомерности какого-либо события, действия, феномена, а легитимация представляет собой процесс создания легитимности, в том числе формирование ощущения легитимности у участников дискурса относительно объекта легитимации. Делегитимация является обратным легитимации процессом, позволяющим лишить правомерности объект делегитимации.

1.1.1. Стратегии и субстратегии легитимации/делегитимации

Легитимация (как и делегитимация) реализуется при помощи четырех ключевых стратегий: 1) апелляция к авторитету, 2) моральная оценка, 3) рационализация, 4) мифопоэтика [van Leeuwen, Wodak, 1999].

Первая стратегия, апелляция к авторитету эксперта, подразумевает под собой привлечение социального ресурса и осуществляется с помощью некоторых субстратегий: 1) субстратегия апелляции к личному авторитету человека, социальный статус которого достаточно высокий со значимой ролью в обществе; 2) апелляция к авторитету эксперта, у которого есть

профессиональный опыт оценки явлений из той же области, что непосредственно и объект легитимации; 3) апелляция к авторитету модели поведения некоторой «модной» личности, деятельность которой, как правило, широко освещается в массмедиа; 4) апелляция к «безличному» авторитету некоторой структуры, общественного института, нормы; 5) апелляция к авторитету традиции; б) апелляция к авторитету «большинства» [Колмогорова, Горностаева, 2021: 42].

Моральная оценка – еще одна стратегия, при помощи которой реализуется легитимация. Ее актуализация базируется на принципах «хорошо – плохо» и осуществляется посредством следующих субстратегий: 1) оценочная субстратегия, играющая ключевую роль в легитимации посредством стратегии моральной оценки и реализующаяся при помощи широкого спектра прилагательных с оценочной семантикой (естественный, адекватный, здоровый и т.д.); 2) субстратегия абстрагирования, при которой оценка объекта легитимации производится за счет обобщений более высокого уровня абстракции, «морализируя» при этом совершаемые действия, например, вместо «ребенок впервые идет в школу» мы могли бы сказать «ребенок обретает независимость», чтобы практика школьного обучения была узаконена в терминах дискурса «независимости»; 3) аналогия – субстратегия, призванная обосновать необходимость приятия объекта легитимации, потому что он имеет некоторые свойства, сходные с характеристиками другого объекта, ценность и значимость которого неоспоримы и не подлежат сомнению [van Leeuwen, Wodak, 1999].

Следующая стратегия, которую следует упомянуть, – это стратегия рационализации. Она же, в свою очередь, призвана категоризировать и концептуализировать объект легитимации в когнитивном опыте целевой аудитории при помощи ряда логических операций (генерализации, включения и т.д.) и предполагает следующие субстратегии: 1) целевая субстратегия, которая строится по формуле, где X – объект легитимации, а Y – обобщенная социальная категория: «Я делаю X с целью получения Y»;

2) инструментальная субстратегия, применяющая формулу «Я получаю Y при помощи X-а»; 3) субстратегия, направленная на результат – «Y – это результат X-а» (например, город свободный от мусора, который легко и эффективно перерабатывается, – это результат отдельного сбора мусора); 4) «определение» – объект легитимации X определяется через призму некоторой другой социально значимой деятельности, категории (например, через категории гражданской ответственности, толерантности и т.д.); 5) «разъяснение» – объект легитимации X описывается в терминах оправданных и необходимых действий людей, работающих или действующих в той сфере, которой X принадлежит (например, некоторое решение правительства правильно, поскольку граждане поддерживают его, судя по письмам в редакции газет, интервью, результатам опросов общественного мнения); 6) «предсказание» – объект легитимации X помещается в случае легитимации в будущий позитивный или же в случае делегитимации – в негативный сконструированный, как правило, от имени экспертов социальный контекст (принятие данной меры позволит в будущем...) [Колмогорова, 2018а: 103].

Последняя, но немаловажная стратегия – мифопоэтическая. Она раскрывает некоторые пережитки человеческого мифопоэтического сознания и реализуется с помощью следующих субстратегий: 1) поучительный рассказ, когда протагонист действует согласно социальной модели-объекту легитимации и получает за это награду; 2) апокрифический рассказ – протагонист действует вопреки социальной модели-объекту легитимации, что приводит к чрезвычайно печальным последствиям; 3) повествование с одной ярко выраженной сюжетной линией – в фокусе внимания рассказчика оказывается лишь одна линия повествования, которая сопровождается однозначной оценкой и зачастую сопровождается гиперболизацией (миллионы людей по всей стране ждут...); 4) символическое, или инвертированное, повествование, когда объекту легитимации приписывается

некая символическая функция – быть знаком новой эпохи, нового времени и т.д. [Там же].

Таким образом, апелляция к авторитету, моральная оценка, рационализация и мифопоэтика – это ключевые стратегии легитимации/делегитимации социального феномена. Каждая из них реализуется с помощью определенных субстратегий. Апелляция к авторитету подразумевает привлечение социального ресурса; моральная оценка – сосредотачивает объект легитимации на основании «хорошо – плохо»; рационализация категоризирует и концептуализирует объект легитимации в когнитивном опыте целевой аудитории, а мифопоэтика раскрывает некоторые пережитки человеческого мифопоэтического сознания.

1.1.2. Стадии установления легитимности в процессе легитимации

Согласно П. Толберту и Л. Зукеру, существуют три стадии установления легитимности в процессе легитимации: 1) стадия теоризации, 2) стадия продвижения, 3) стадия окончательного укоренения [Tolbert, Zucker, 1996: 181].

Первая стадия, стадия теоризации, подразумевает под собой распространение инноваций. По мере распространения нововведений они становятся «объективированными», приобретая социальный консенсус относительно их прагматической ценности [Suchman, 1995], и, таким образом, они распространяются еще дальше [Greenwood et al., 2002]. Помимо этого, признание адекватности инновации в качестве выхода из какой-либо непростой ситуации является частью стадии теоризации [Колмогорова, 2018б: 35]. На данном этапе необходимо предоставление доказательств того, что изменение действительно успешно. На основе такого теоретизирования и сопутствующих фактов, удостоверяющих подлинность новшества, сторонники поощряют распространение структур по всему набору организаций [Tolbert, Zucker, 1996: 183].

Стадия продвижения – еще одна стадия установления легитимности. На данном этапе в обществе формируется позитивное отношение к инновации. Происходит это посредством грамотного внедрения ее в ценностную картину мира. Так, медиаполитика и поддержка со стороны государства являются ключевыми путями достижения данной цели [Greenwood et al., 2002]. На стадии продвижения нововведения важно определить, не идет ли объект легитимации вразрез с определенными культурными моделями социума. Таким образом, на стадии продвижения граждане уже не представляют свою жизнь без инновации, которую еще совсем недавно отвергали [Колмогорова, 2018б: 35].

Последняя, но немаловажная стадия – стадия окончательного укоренения. Нововведение становится уже неотъемлемой частью жизни людей, ее естественной составляющей. На данном этапе инновация не вызывает широкий спектр негативных эмоций и протестов. Общество отказывается принимать тот факт, что когда-то этого новшества еще не существовало. Так, нововведение проходит третью стадию, стадию окончательного укоренения, и становится полностью легитимным [Tolbert, Zucker, 1996: 183].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что стадия теоризации, стадия продвижения и стадия окончательного укоренения – ключевые стадии установления легитимности. Каждая из них включает в себя условия, при которых объект легитимации становится легитимным. Так, на стадии теоризации происходит распространение информации об инновации, на стадии продвижения – принятие нововведения социумом, которое происходит при поддержке СМИ и государства, на стадии окончательного укоренения – становление новшества естественным процессом жизни.

1.1.3. Легитимация как объект научного исследования

В современном мире легитимация играет ключевую роль во всех сферах общественной жизни и является объектом внимания для многих научных исследований. Максимилиан Карл Эмиль Вебер, известный как Макс Вебер, немецкий социолог, философ, историк и политический экономист, ввел термин «легитимация» в научный оборот. Ученый определяет легитимацию как ориентацию на значимость, т.е. порядок [Вебер, 1918: 646]. Порядок, в свою очередь, ассоциируется с государством, которое представляется как «отношение господства над людьми, опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство» [Вебер; цит. по: Драгель, 2017: 82]. Вебер также утверждал, что легитимация – признание власти подчиненными, их добровольное и самостоятельное согласие покоряться ей [Вебер; цит. по: Беглов, 2008: 215].

Языковая репрезентация является важной составляющей легитимации, так как язык играет ключевую роль в процессе утверждения и поддержания легитимности различных институтов, общественных практик и социокультурных явлений. Лингвистическое исследование легитимации позволяет углубленно изучать языковые средства, которые используются для создания, поддержания или утверждения легитимности. Одним из основных направлений исследования легитимации в лингвистике является изучение дискурсивных механизмов обеспечения легитимности [Ромашова, 2013: 127].

Дискурсивный анализ позволяет выявить специфические лингвистические признаки и стратегии, которые используются в процессе легитимации. В ходе лингвистического исследования можно детектировать такие характеристики, как употребление определенных лексических единиц, синтаксических конструкций, риторических приемов, стилевых особенностей и др. Эти элементы языка служат инструментами воздействия на аудиторию и формирования ее мнения о том или ином явлении [Драгель, 2017: 85].

Одним из актуальных направлений лингвистического исследования легитимации является изучение политического дискурса. Политические лидеры и организации активно используют язык для убеждения и манипуляции общественным мнением. Политический дискурс часто содержит специфические концепции, символы, аргументы и риторические приемы, которые направлены на создание легитимности власти и принятие определенных политических решений [Завершинский, 2016: 9].

Более того, лингвистическое исследование легитимации позволяет раскрыть динамику изменения языковых стратегий и тактик в различных сферах общественной жизни. Исследователи могут выявить сдвиги в языковом поведении и принципах легитимации в разных исторических периодах, чем, в свою очередь, могут объяснить изменения в общественно-политическом контексте [Будаев, 2016: 13].

Говоря об объекте языковой легитимации, ученые имеют в виду социальный институт или же политическую персоналию, стоящую во главе данного института. Так, процесс создания легитимности становится актуальным объектом исследования ученых, работающих в различных научных направлениях. В правовой сфере, например, легитимация рассматривается как процесс узаконения нового политического режима [Доган, 1994; Видич, 1979]. Ученые-экономисты выявляют стратегии легитимации инновационного продукта, а также рассматривают узаконивание некоторых экономических практик и бизнес-моделей [Zelditch, Walker, 2003; Deerhouse, Suchman, 2008; Saretzki, 2012; Bork, Schoormans, 2015; Sico, Huber, 2017]. Обращают на себя внимание труды по легитимации в рамках педагогического дискурса [Козачина, 2020]. Процессы легитимации и делегитимации дискурсивных практик в онлайн-пространстве изучаются в рамках медиасферы [Silva, Garcia, 2012; Laifi, Josserand, 2016; Lischka, 2016; Matthews, 2016; Howell, 2017; Kneuer, 2017; Колмогорова, 2018].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что легитимация как объект научного исследования вызывает большой интерес у ученых-языковедов. Дискурсивные механизмы обеспечения легитимности являются центральной темой изучения легитимации языковедами. Они содержат специфические символы и концепции, направленные на манипулятивные воздействия со стороны власти.

1.2. Массмедийный дискурс как пространство реализации легитимации/делегитимации

При установлении законности какого-либо социального института, явления или политической персоналии реализуются разные легитимирующие сценарии, источником которых становятся специализированные структуры, задача которых состоит в профессиональной легитимации социального объекта: реклама, PR и СМИ [Ромашова, 2013: 126]. Для нас наибольший интерес представляют средства массовой информации, реализующие легитимацию социального феномена в рамках массмедийного дискурса.

Существует несколько подходов, на которых базируется понятие дискурса: структурный, функциональный и тематический. Первый указывает на различия между текстом, медиатекстом и дискурсом. Так, утверждается, что текстом является сообщение, медиатекст представляет собой сообщение плюс канал его передачи, а дискурс – это сообщение в совокупности с другими элементами коммуникации [Добросклонская, 2015: 47].

В рамках функционального подхода важным критерием для определения дискурса является взаимосвязь речеупотребления с всевозможными сферами деятельности человека, которые во многом и обуславливают особенности речевой коммуникации. Таким образом, с позиции представителей данного подхода, медиадискурс – это комплексность текстов, которые функционируют в сфере массовой коммуникации [Добросклонская, 2015: 47].

Тематический подход к определению дискурса указывает на необходимость объединения устных и письменных текстов как продуктов речевой деятельности, решающих конкретные социально-значимые проблемы [Там же].

Концепция медиадискурса основывается на трех вышеперечисленных подходах, способствуя созданию обширного представления о речевой деятельности в массмедийной сфере [Добросклонская, 2014: 182].

Татьяна Георгиевна Добросклонская определяет медиатекст как комплексный многоуровневый феномен, основанный на неразрывной связи вербальных и медийных компонентов. Анализируя особенности совокупности данных компонентов, она выделяет классификацию, которая предполагает следующие способы сочетания «слова» и «медиа» в текстах массовой информации: иллюстрация, дополнение, коннотация, ассоциация и контраст. Первый компонент, иллюстрация, подразумевает под собой простое сопровождение вербального текста нейтральными по характеру медийными компонентами (фотоотчет с места событий, изображения государственных служащих (политиков) и прочих медийных личностей). В ситуации с «дополнением» содержащаяся в словесном тексте информация тщательно анализируется и представляется в виде таблиц, диаграмм и прочих графически оформленных сведений. «Коннотация» и «ассоциация» тесно связаны с наличием в медийной части сообщения коннотативных значений или ассоциаций. Зачастую журналисты прибегают к использованию «контраста» для эмоционального воздействия на аудиторию и создания комического эффекта [Добросклонская, 2020: 28].

Теория медиатекста как объёмного многоуровневого явления расширяется стабильной налаженной системой параметров, которая позволяет получить максимально четкое представление о том или ином медиатексте с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков. Т.Г. Добросклонская выявляет такие параметры медиатекста, как:

1. Способ производства текста (авторский – коллегиальный).
2. Форма создания (устная – письменная).
3. Форма воспроизведения (устная – письменная).
4. Канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет).
5. Функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика (*features*), реклама).
6. Тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [Добросклонская, 2008: 40].

Отражение, реконструкция и миф – основные типы медиапрезентаций.

Отражение означает ясное и четкое воспроизведение событий, наиболее приближенное к действительности. Примером данного типа медиапрезентации служат новостные медиатексты, в которых предельно объективно и точно освещаются те или иные события, в том числе политические. Характерным признаком такого типа медиапрезентации на лингвистическом уровне является внушительное обилие цитатной речи, воссоздание целых фрагментов из речей и выступлений политиков, обязательное наличие ссылок на источник информации и фактическое отсутствие аналитически-комментирующего и оценочного компонентов [Добросклонская, 2014: 185].

Под термином «реконструкция» понимается огромная свобода интерпретации со стороны СМИ, где люди вправе добавлять, убирать или же изменять событие и «сконструировать» свое. Именно поэтому присутствие аналитически-комментирующей и идеологически-оценочной части является одним из признаков медиа реконструкции. На него обращает внимание известный исследователь Теун Ван Дейк в своей работе «Идеология: междисциплинарный подход»: «События и явления не обладают значением сами по себе, эти значения конструируются при сообщении о событиях на основе взаимодействия многих социально- идеологических факторов –

классовой принадлежности, гендера, расы, культуры, политических убеждений ...» и т. д. [van Dijk, 1998].

Последний, но немаловажный тип медиапрезентации – «миф», суть которого лежит в создании неправдивого событийного образа. Главной особенностью медиамифа является его «заданность», которая ориентирована на оказание некоторого идеологического воздействия, на достижение тех или иных политических целей [Добросклонская, 2014: 185].

На сегодняшний день цифровые СМИ являются ключевым средством формирования общественного мнения масс, однако ими используются некоторые стратегии, которые также можно назвать и манипулятивными, например, дезинформация или производство фейковых новостей (от английского *fake news*). Государственные цифровые СМИ стремятся «сообщать», а не «манипулировать». Их ответственность перед обществом обязывает их распространять достоверные новости, которые мешают пропаганде «ложных» новостей, свободно циркулирующих в Интернете через различные группы мнений [Барселей, 2021: 148].

Институт средств массовой информации является неким посредником между обществом и государством. Однако данное «сотрудничество» – две стороны одной медали. Граждане при помощи СМИ могут выражать и доносить свое мнение до государства, но не исключается возможность манипулирования и оказания влияния на общество со стороны института власти. Нередко государство стремится конструировать положительный образ, чтобы каким-либо образом оправдать или же объяснить свои действия и поступки. Часто функция посредника уходит на второй план, лишь разжигая огонь и увеличивая количество конфликтов, ведь общество не терпит вранья и не желает принимать за действительность то, что ему пытаются навязать [Демушина, 2008: 72–74].

Примером данного «сотрудничества» являются чилийские СМИ, которые приняли участие в привлечении особого внимания общественности к проблеме гендерной жестокости в Чили. Они внесли свой вклад в

разграничение понятий «убийство» и «фемцид». Однако в то же время чилийские СМИ оказались на стороне полового неравенства, стараясь найти объяснения насильникам с опорой на сформировавшиеся в обществе гендерные стереотипы. Данные действия, как результат, привели к размыванию и сокрытию данной проблемы [Lagos, 2008].

Более того, в мексиканских сериалах, фильмах, рекламах и шоу фемцид – это абсолютно обыденное явление. Телевидение в Мексике легитимирует невыносимое обращение с женщинами, избиение, унижения, насилие и убийство. СМИ выставляют все это как в порядке вещей. Рекламные ролики содержат многочисленные примеры дискриминации женщин и вопиющего отношения к ним, не оставляют без внимания стереотипное представление женщины как сексуального объекта. Тематика телешоу базируется на пропаганде гендерно обусловленных социальных функций и ролей, которые навязываются женщинам извне другими женщинами-экспертами, – воспитывать детей, кормить семью, повиноваться [Montiel, 2014].

Основываясь на вышесказанном, можно заключить, что существует несколько подходов к определению массмедийного дискурса, центральной единицей которого является медиатекст. При этом СМИ как пространство трансляции определенных идей и мнений являются средством реализации легитимации и делегитимации власти или социального феномена, поэтому играют большую роль в жизни общества, укрепляя или разрушая взаимоотношения между гражданами и правительством.

1.3. Фемцид как острая социальная проблема: к истории вопроса

Фемцид как остросоциальная проблема берет начало в гендерном неравенстве, которое в настоящее время наблюдается во многих сферах жизни современного общества, в том числе не исключен и сексизм, проявляющийся на языковом уровне. Исследователи отмечают, что понятия «человек» и «мужчина» во многих языках тождественны и взаимозаменяемы, формы

женского рода в подавляющем большинстве случаев являются производными от мужских: «*Student – Studentin*» в немецком, «студент – студентка» в русском. Более того, в основном образе женщины приписываются отрицательные качества, что особенно ярко прослеживается в фразеологических языковых единицах: «*A woman's place is at home*» в английском, «Баба с возу – кобыле легче» в русском [Горошко, 2001]. Следует отметить, что использование форм женского рода часто считается оскорблением: «плачет как девчонка», «болтает как баба». При этом применение мужского обозначения или характеристики в отношении женщины практически всегда носит положительный характер.

Согласно Д. Таннен, коммуникация мужчины и женщины – это коммуникация представителей разных культур, сталкивающихся с барьерами при передаче информации [Tannen, 1991: 8]. Это связано с наличием различных стилей общения, приводящих к коммуникативным неудачам. Тем не менее она всё же подчеркивает, что женщины «в нашей культуре, если не во всём мире, подчинены мужчинам как класс» [Там же].

Термин «фемцид» означает убийство женщины, совершенное партнером на почве ненависти и гендерного неравенства [Dawson, Gartner, 1998: 338]. Патриархальные установки, широко распространённые по всему миру, делают образ женщины слабой, «второстепенной» и не имеющей права голоса. Логически вытекающие из них идеи «мужской силы» (воинственности, непримиримости) и «женской слабости» (зависимости, пассивности) превращают мужчину в потенциального агрессора, а женщину – в потенциальную жертву [Кулагина, 2022: 84].

Стоит отметить, что в некоторых случаях фемцид является некой «нормой», поскольку представители патриархата считают, что, будучи главными, они вправе поступать, с их моральной точки зрения, правильно, наказывать противоположный пол так, как считают нужным. Отсюда вытекает понятие «виктимблейминга», которое гласит о том, что жертва сама во всем виновата. Наиболее ярким примером данного процесса является ношение

какой-либо откровенной одежды. Такое поведение в обществе чаще всего приравнивается к желанию и согласию женщины на действия сексуального характера [Присекин, Парин, 2020: 100].

Нередко мировоззрение общества базируется на том факте, что жертва сама должна понимать, что является опасностью для нее и предпринимать определенные меры по предотвращению случаев насилия, причем как физического, так и морального. Так, считается, что при совершении какого-либо злодеяния жертва не менее ответственна, чем ее преступник [Присекин, Парин, 2020: 100].

Говоря о древних временах, подчеркнем, что во многих обществах, например, у африканских племен, представительницы женского пола считались слабыми членами семьи, из чего следует, что они воспринимались как вещи, которыми мужской пол мог распоряжаться по своему усмотрению.

Латинская Америка всегда находилась в центре гендерного скандала. Ежедневно, по официальным данным, в одной только Мексике погибает более 10 женщин от рук мужчин. Из-за пренебрежительного отношения к женщинам, половой дискриминации, некомпетентности правоохранительных органов и игнорирования проблемы на государственном уровне насильникам нередко удается избежать наказания [Горностаева, 2021: 2568].

Стоит отметить, что в Латинской Америке значительно обостряется уровень агрессии в связи с низкими доходами населения, из чего вытекает дискриминация граждан данной территории. Гендерное неравенство блокирует права женщин во многих сферах (социальной, политической, экономической, культурной и семейной), что, безусловно, является нарушением свободы человека [Топилина, 2022: 41].

Согласно официальным данным Наблюдательного центра, изучение 24 стран региона показало, что в 2019 году в 18 государствах Латинской Америки и 6 странах Карибского бассейна зарегистрировано 4 640 случаев убийств женщин [Saretzki, 2012]. Необходимо также подчеркнуть, что больше половины жертв пострадали от рук нынешнего или же бывшего партнера.

Уже многие годы фемцид является острой социальной проблемой, которая находится в центре внимания СМИ. Все чаще можно заметить, что данное явление бурно обсуждается, а сторонники феминизма всячески отстаивают свои права и пытаются бороться с насилием над женщинами, возникшим в результате гендерного неравенства. Как правило, правительство большинства регионов пытается скрыть правду, сгладить ситуацию или же выставить вопиющие случаи фемцида как попытки суицида. Большое число смертей можно было бы предотвратить, поскольку женщины незадолго до смерти обращались с заявлениями в правоохранительные органы, которые никак не отреагировали на них. Пренебрежительное отношение к женщинам со стороны властей и социальных институтов замалчивается в прессе, чтобы предотвратить делегитимацию государственной власти, а сами случаи фемцида легитимируются журналистами [Горностаева, 2021: 2569].

В русском и испанском языках существует два смежных термина, называющих убийство женщины: «фемцид» и «феминицид». Нам представляется важным разграничить данные понятия. Так, «феминицид» подразумевает под собой безнаказанность, с которой государство реагирует на случаи крайнего насилия в отношении женщины. Если государство, ответственное за борьбу с убийствами женщин, не в состоянии расследовать и наказать виновных, это может быть квалифицировано как убийство женщин (El Universo, 2022).

Различие между терминами «фемцид» и «феминицид» заключается в том, что второй содержит элемент безнаказанности в результате бездействия или неадекватных действий, предпринятых государством в ущерб праву женщин на жизнь и их необходимой защите [Там же].

Таким образом, фемцид, берущий начало в гендерном неравенстве, все чаще обсуждается и выносится как проблема, требующая незамедлительного решения. Широко распространенные патриархальные установки делают образ женщины слабой, то есть зависимой и виноватой. Сексизм, проявляющийся

также и в языке, отражает всю суть гендерного неравенства, используя формы женского рода как оскорбление.

1.4. Фемицид в контексте лингвистических исследований

В настоящее время фемицид – это термин, означающий убийство женщины на почве ревности и гендерного неравенства, который стал предметом внимания исследователей-лингвистов, в частности.

Согласно М. Перулера, неравенство между женщинами и мужчинами в рамках системы угнетения является основополагающим фактором, способствующим совершению убийства. Работы, посвященные фемициду как объекту лингвистического исследования, позволяют заключить, что насилие, совершаемое в отношении женщин, не является случайным, поскольку оно предполагает структурирование целого континуума насилия, которое начинается с социального конструирования тел и завершается насилием со смертельным исходом. Так, насилие понимается как действие, спланированное с целью установления или увековечения неравенства. Таким образом, патриархальная идеология (или система идей) основывает и узаконивает отношения господства, в которых подчеркивается социальное конструирование агрессивной и активной мужественности по сравнению с социальным конструированием женственности как восприимчивой и пассивной [Perulero, 2012: 14].

Фемицид правильно организован с учетом институционального безразличия, социальной ответственности тех, кто создает общественное мнение. Все начинается с «эмоционального и психологического насилия, избиений, оскорблений, пыток, сексуальных домогательств, жестокого обращения с детьми, детоубийства девочек, домашнего насилия и всей политики, которая приводит к смерти женщин, принимаемое государством», цель которого, наконец, запугать женщин, контролировать их участие в общественной и частной сфере [Lagos Lira, 2008: 3].

Эме Вега Монтьель в своих трудах отмечает, что образ женщин в дискурсе традиционных средств массовой информации и новых технологий воспроизводит сексистские стереотипы, которые либо ассоциируют женщин с традиционными ролями, в которых подчеркивается их предполагаемая уязвимость, их подчинение домашнему пространству, либо они представлены как группы потребителей, сосредоточенные только на покупке товаров модной одежды и косметики [Vega Montiel, 2014: 15].

Отечественные лингвисты утверждают, что насилие над женщинами представляется в обществе как нечто тривиальное и обыденное. Негативные проявления в обращении к женщинам, унижения, физические нападения, насилие и убийства рассматриваются как «норма» [Горностаева, 2021: 2568].

Учеными была выявлена классификация основных форм гендерного насилия, крайней формой которой является фемцид. К ним также относятся психологическое насилие, сексуальное насилие, экономическое насилие, символическое насилие. Смерть женщин по признаку пола является последней стадией проявления гендерного насилия и уголовно наказуемым деянием [Шестак, Савенкова, 2023: 282].

Описание непрекращающегося, возведенного в систему насилия, имеющего явный односторонний характер, при помощи слов, которые предполагают разовость и обоюдность действий, может ввести аудиторию в заблуждение. Понятия «ссора» и «конфликт» неуместно приравнивать к домашнему насилию, поскольку, в отличие от него, они предполагают, во-первых, равенство между партнерами, во-вторых, возможность разрешить разногласия между ними [Кулагина, 2022: 87].

Елизавета Сергеевна Голоусова обращает особое внимание на то, что насилие в отношении женщин понимается как нарушение прав человека и форма дискриминации в отношении женщин и означает все акты насилия по признаку пола, которые причиняют физический, сексуальный или психологический вред, экономический ущерб, а также моральные страдания [Голоусова, 2020: 72].

На сегодняшний день было выявлено, что гендерное неравенство и последующее жестокое отношение к женщинам отражаются во всех сферах жизнедеятельности человека. Так, например, Н.И. Ажгихина отмечает, что женщины-журналистки подвергаются в сети угрозам в три раза чаще, чем мужчины, характер нападков более жесткий, сообщения нередко содержат угрозы сексуального насилия над самой журналисткой или над ее близкими [Ажгихина, 2018: 54].

Слова, произнесенные на ТВ, в радиопрограмме, напечатанные в газете или сказанные в Интернете, являются основным инструментом, который отражает широкий спектр наших представлений, включая стереотипы и предубеждения. Именно эти слова оказывают наибольшее влияние на нашу сознательность. Зачастую женщины, фемицид и гендерные темы в целом являются ключевыми предметами обсуждения. Нередко можно обнаружить, что данная тематика в основном выставляется в негативном ключе, травмируя сознание женщин и ущемляя их человеческие права [Там же].

Таким образом, фемицид является предметом изучения зарубежных и отечественных лингвистов, в научных трудах которых освещается тема насилия по отношению к женщинам с лингвистической точки зрения. Исследование фемицида в трудах лингвистов позволяет выявить языковые и нормативные практики, которые способствуют узакониванию гендерного насилия, а также поддержанию и закреплению неравенства между полами. Это включает в себя использование определенных языковых единиц, которые поддерживают гендерные стереотипы и дискриминацию, а также нормы и правила, которые оправдывают насилие в отношении женщин.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

На основании рассмотренных теоретических материалов, можно сделать вывод, что фемцид является остросоциальной проблемой, находящейся в центре внимания исследователей различных отраслей знаний, в т. ч. – лингвистики. Под термином «фемцид» понимается убийство женщины, совершенное партнером на почве ненависти и гендерного неравенства. Фемцид, определяемый как убийство женщины на гендерной почве, глубоко укоренен в структуре гендерного неравенства и культурных установках, которые оправдывают и провоцируют насилие против женщин. Распространение и легитимация фемцида во многом являются следствием патриархальных установок и гендерного неравенства, широко распространенных по всему миру. При этом государство и СМИ – это основные рычаги давления на людей и их мнение, определяющие уровень легитимности/нелегитимности определенного явления/власти/персоналии. Так, в латиноамериканской прессе с течением времени фемцид сначала замалчивается, легитимируется, а впоследствии становится объектом делегитимации СМИ, которые конструируют его незаконность, что на языковом уровне находит отражение в виде специфических единиц – языковых средств легитимации и делегитимации фемцида.

Легитимация понимается как процесс, посредством которого некоторый феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений; это процесс установления легитимности. Делегитимация – это обратный легитимации процесс лишения правомерности.

Среди стратегий легитимации и делегитимации выделяются следующие: 1) апелляция к авторитету (привлечение социального ресурса), 2) моральная оценка (сосредоточение объекта легитимации на основании «хорошо – плохо»), 3) рационализация (категоризация и концептуализация объекта легитимации в когнитивном опыте целевой аудитории), 4) мифопоэтика

(пережитки человеческого мифопоэтического сознания). Каждая из стратегий актуализируется при помощи некоторых субстратегий, которые, в свою очередь, находят отражение в конкретных языковых единицах.

Существуют три стадии установления легитимности в процессе легитимации: 1) стадия теоризации, 2) стадия продвижения, 3) стадия окончательного укоренения. Каждая из них включает в себя определенные критерии и условия, при соблюдении которых достигается легитимность.

Легитимация как объект научного исследования вызывает большой интерес у ученых-языковедов. Дискурсивные механизмы обеспечения легитимности являются центральной темой изучения легитимации языковедами. Они содержат специфические символы и концепции, направленные на манипулятивные воздействия со стороны власти. Так, процесс создания легитимности становится актуальным объектом исследования ученых, работающих в различных научных направлениях.

Массмедийный дискурс определяется как комплексность текстов, которые функционируют в сфере массовой коммуникации, и рассматривается нами как пространство формирования легитимности и нелегитимности. СМИ, в свою очередь, являются источником легитимации и делегитимации, создающим определённую медиарепрезентацию события. К основным типам медиапрезентаций относятся: 1) отражение (ясное и четкое воспроизведение событий, наиболее приближенное к действительности); 2) реконструкция (огромная свобода интерпретации со стороны СМИ); 3) миф (создание неправдивого событийного образа).

Изучение фемицида в контексте лингвистических исследований содействует выявлению языковых единиц, способствующих поддержанию неравенства между полами. Учеными была выявлена классификация основных форм гендерного насилия, среди которых фемицид – это крайняя форма его проявления.

Во второй главе данной работы мы представим результаты анализа языкового материала на испанском языке, который будет направлен на

выявление стратегий легитимации и делегитимации фемицида в латиноамериканских медиатекстах.

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССЫ ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ ФЕМИЦИДА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ: СТРАТЕГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА

2.1. Стратегии легитимации фемицида в латиноамериканской прессе

2.1.1. Стратегия моральной оценки и языковые средства ее реализации

На этапе реализации практической части исследования был проведён анализ языковых средств легитимации и делегитимации фемицида в текстах на испанском языке. Материалом исследования стали тексты латиноамериканских изданий, посвященные проблеме фемицида: *Diario de México, La Tercera, Miguel Ángel Luna Noticias, La Nación, Página12, El Universal, El Observador, La Capital, El Desconcierto*, общим объемом 150 000 знаков.

Ведущей стратегией легитимации фемицида в латиноамериканской прессе является **стратегия моральной оценки**. Зачастую жестокость по отношению к женщинам репрезентируется как двойная трагедия, влекущая за собой смерть как жертвы (женщины), так и преступника (мужчины). Мужчина-убийца преподносится как жертва, доведенная до суицида, приводятся подробности его ухода из жизни. Так, на языковом уровне это репрезентируется посредством лексических единиц с семантикой «смерть/самоубийство»: *cuerpo sin vida* (бездыханное тело), *un hombre sin vida* (бездыханное тело мужчины), *suicidarse* (покончить с собой), *quitarse la vida* (покончить с жизнью), *doble femicidio* (двойное убийство) – примеры 1–4.

(1) *En el lugar, se encuentran con un hombre sin vida amarrado a una reja y, al interior del inmueble, el cuerpo sin vida de Alejandra Palma Chávez, de 31 años de edad (La Tercera / El femicidio de la estudiante de doctorado que empañó la conmemoración del 8M en Concepción / 10.03.2017).* / На месте

преступления полицейские нашли **бездыханное тело мужчины**, привязанного к решетке, а внутри здания – **безжизненное тело 31-летней Александры Пальмы Чавес**.

(2) *Dos mujeres fueron asesinadas a golpes el sábado por la tarde dentro de una casa de la ciudad de Corrientes. Según detallaron los voceros, la principal línea investigativa se basa en que el hecho se trató de **un doble femicidio**, tras lo cual **el autor de los crímenes intentó suicidarse** (La Nación / Doble femicidio en Corrientes: mataron a golpes a dos mujeres y arrestaron a la pareja de una de ellas / 3.04.2016).* / **Две женщины были забиты до смерти дома** в субботу днем в городе Корриентес. Как уточнили в пресс-службе, основная линия расследования строится на том, что произошло **двойное убийство**, в результате которого **совершивший преступление пытался покончить жизнь самоубийством**.

(3) *Fue asesinada alrededor de las 10.30 de la mañana del lunes en el barrio 4 de Junio por Eduardo Colchad, su expareja y padre de dos hijas que tenían en común<...> Colchad se suicidó a 150 metros de donde **mató a la madre de sus hijos**, el hombre utilizó el arma homicida en su poder (Página12 / La mató y se suicidó / 5.04.2017).* / **Она была убита** в понедельник около 10:30 утра 4 июня Эдуардо Колхадом, ее **бывшим партнером** и отцом их совместных детей. <...> Колхад **покончил жизнь самоубийством** в 150 метрах от того места, где **он убил мать своих детей**, мужчина использовал имеющееся у него орудие убийства.

(4) *Tras una presunta riña, un expolicía **asesinó a su esposa con una metralleta AK-47** y después **se quitó la vida en la costa de Hermosillo** (El Universal / Tras riña, expolicía mata a su esposa con una AK-47 y se quita la vida en Hermosillo, Sonora / 29.11.2017).* / После предполагаемой драки бывший полицейский **убил свою жену** из автомата АК-47, а затем **покончил с собой** на побережье Эрмосильо.

При легитимации фемицида журналисты нередко используют медицинскую терминологию, указывая на тяжелое состояние здоровья мужчины, его физические страдания, чтобы вызвать жалость и сострадание аудитории: *muerte cerebral* (смерть мозга), *un trastorno mental* (психическое расстройство), *el hospital psiquiátrico* (психиатрическая больница), *ciertos rasgos patológicos con una psicopatía* (патологические особенности психики), *problemas serios por pérdida de seres queridos* (серьезные психологические проблемы из-за потери близких). Так, жестокость по отношению к женщинам легитимируется, поскольку, со слов журналистов, присутствуют факторы, независимые от виновника преступления. Таким образом, журналисты смещают фокус внимания реципиента на второстепенные обстоятельства совершения преступления, связанные не с фемицидом как актом насилия над женщиной, а с пагубными последствиями для здоровья мужчины после причинения вреда своему здоровью – примеры 5–7.

В приведенном ниже примере присутствует словосочетание *estado grave* (критическое состояние), одним из компонентов которого является относительное прилагательное *grave*, обозначающее отношение лица к какому-либо состоянию. Согласно словарю Королевской академии испанского языка, данная лексическая единица имеет следующее негативное лексическое значение: «*que padece una enfermedad o una lesión graves*» («страдающий серьезным заболеванием или получивший серьезную травму») [DRAE, 2014]. Так, можно сделать вывод, что журналисты намеренно используют данное словосочетание в сочетании с медицинским термином, чтобы обратить особое внимание на тяжелое состояние здоровья убийцы, имеющего критические расстройства жизненно важных систем организма.

(5) *Posteriormente, el hombre se auto infirió un disparo, quedando en estado grave con muerte cerebral, según confirmó personal policial (La Tercera / Femicidio en Pichilemu: confirman que hombre que asesinó a su expareja está con muerte cerebral / 21.01.2014).* / По словам сотрудников полиции, впоследствии

нападавший попытался **застрелиться**, его состояние оценивается как **крайне тяжелое** – он пережил **смерть мозга**.

(6) *El autor padece **un trastorno mental**, por lo que fue derivado al **hospital psiquiátrico**. Las autoridades estarán evaluando periódicamente la evolución del hombre, según indormó Fiscalía (El Observador / Fiscalía dispuso que femicida de Aires Puros sea internado en Hospital Vilardebó / 28.04.2014).* / Подсудимый страдает **психическим расстройством**, в связи с чем он был направлен в **психиатрическую больницу**. По словам прокуратуры, власти будут регулярно оценивать изменения его состояния.

(7) *...una persona que mantiene **ciertos rasgos patológicos** que podrían relacionarse con **una psicopatía** y **problemas serios por pérdida de seres queridos**, en este caso, de Mejías, quien quería terminar la relación (La Tercera / Mujer venezolana es la quinta extranjera víctima de femicidio / 05.11.2017).* / ... человек, обладающий определенными **патологическими особенностями психики** и **серьезными проблемами из-за потери близких**, в данном случае из-за Мехиас (девушки), которая хотела разорвать отношения.

Журналисты оправдывают фемицид и отрицают наличие проблемы гендерного неравенства посредством использования лексических единиц с семантикой «случайность», выражающих непредумышленное нанесение ущерба женщине-партнеру: *accidentalmente* (случайно), *un accidente* (несчастный случай), *escaparse* (промахнуться). Данные лексемы представляют собой различные части речи: существительное, номинирующее произошедшее событие, наречие, указывающее на характер совершения преступления, а также возвратный глагол, определяющий особенность осуществления правонарушения. Фемицид репрезентируется латиноамериканскими СМИ как непреднамеренное причинение вреда женщинам, мужчина-преступник является жертвой несчастного случая, как и сама женщина-жертва (примеры 8–9).

(8) *En diciembre de 2012, el hombre se estaba preparando para irse a trabajar y **le disparó accidentalmente a su pareja**...* (El Observador / Policía mató

a su esposa embarazada, primero lo condenaron por homicidio pero un tribunal le agregó el delito de aborto / 31.01.2013). / В декабре 2012 года мужчина собирался на работу и **случайно застрелил свою напарницу**.

(9) ...*advierten que entienden que lo que pasó "fue un accidente" y "se le escapó" el tiro (El Observador / Policía mató a su esposa embarazada, primero lo condenaron por homicidio pero un tribunal le agregó el delito de aborto / 31.01.2015).* / ...они заявляют, что понимают, что произошедшее – это «**несчастный случай**», и что он (мужчина) просто «**промахнулся**».

Также стоит отметить, что при легитимации фемцида латиноамериканские журналисты дают следующие номинации мужчинам, совершившим данное преступление: *expareja* (бывший партнер), *pareja* (партнер), *esposo* (супруг), *marido* (муж), *cónyuge* (супруг), до безумия любивший жертву.

В ходе анализа обнаружены лексические единицы с семантикой «терять контроль/выходить из себя», указывающие на то, что причиной подобного поведения мужчины является сама женщина, которая якобы доводит партнера до нервного срыва или даже состояния аффекта, что, в свою очередь, провоцирует мужчину на причинение непреднамеренного вреда своей супруге. В примере 10 делается акцент на виновности самой женщины, которую латиноамериканские СМИ обвиняют в супружеской измене (*infidelidad*). Патриархальное общество оправдывает мужчину, а женщина всегда занимает менее выгодное положение, стоит ниже мужчины в социальной иерархии, женщина подвергается общественному осуждению за измену, которая воспринимается как смягчающее обстоятельство. Так, легитимация фемцида в латиноамериканских СМИ приводит к тому, что убийство на гендерной почве начинает восприниматься как несчастный случай, произошедший по вине женщины и повлекший за собой смерть мужчины. Необходимо также отметить, что нередко представители судебных инстанций считают уместным освободить осужденного преступника условно-досрочно (*libertad vigilada*). Так, в примере 10 судья выносит данный приговор

в связи с нестабильным эмоциональным состоянием мужчины. Утверждается, что супруг погибшей был в состоянии сильного эмоционального возбуждения, вызванном супружеской изменой.

(10) ... *el fallo del Tribunal Oral de Ovalle que el miércoles dejó en libertad vigilada a un hombre, condenado por el femicidio frustrado de su esposa, al considerar como atenuante el «arrebato y obcecación» que le habría causado una infidelidad de su cónyuge (La Tercera / Critican fallo que acoge infidelidad como atenuante de femicidio / 7.04.2016).* / ... постановление Верховного Суда Овалье, согласно которому мужчина может быть **освобожден условно-досрочно за неудавшееся убийство** своей жены. Суд посчитал, что причиной «**нервного срыва**» могла стать **неверность** его супруги, и указал это в качестве **смягчающего обстоятельства**.

При легитимации фемицида журналисты указывают на неблагоприятную обстановку в семье и причастность самой жертвы к убийству. Об этом свидетельствует частое употребление прилагательного *alcoholizados* (находящиеся в состоянии алкогольного опьянения), применяемое по отношению к обоим партнерам, а также лексика, описывающая ссоры, оскорбления и физическое насилие – пример 11. Приводятся слова очевидцев, утверждающих, что ссоры в семье были обыденностью. Так, используется оценочное прилагательное *habitual* (привычный, нормальный), а журналисты транслируют мифы о не благополучности семейной пары, говоря о том, что именно опасное социальное положение стало причиной убийства, а не разногласия на гендерной почве – пример 12.

(11) ...*se escuchaban insultos, malos tratos y riñas, y que en varias oportunidades ambos estaban alcoholizados (La Capital / Femicidio causa conmoción en el microcentro de Rosario: la víctima fue ultimada con un corte en el cuello / 30.06.2017).* / ... были слышны **оскорбления и драки**, несколько раз **оба были пьяны**.

(12) ... *las peleas de la pareja eran habituales (La Capital / Femicidio causa conmoción en el microcentro de Rosario: la víctima fue ultimada con un corte en el cuello / 30.06.2016).* / ... **драки** между супругами были **обычным** явлением.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что использование стратегии моральной оценки направлено на отрицание прямой вины мужчины-убийцы. В первую очередь, при легитимации фемцида журналисты указывают, что вред был причинен как самой жертве, так и мужчине, который совершил правонарушение, приводятся подробности его ухода из жизни и обстоятельства, при которых погибает сам мужчина-убийца. Так, на языковом уровне это репрезентируется посредством лексических единиц с семантикой «смерть/самоубийство»: *cuero sin vida* (бездыханное тело), *un hombre sin vida* (бездыханное тело мужчины), *suicidarse* (покончить с собой), *quitarse la vida* (покончить с жизнью), *doble femicidio* (двойное убийство). Более того, авторы статей нередко используют медицинскую терминологию для смещения фокуса внимания читателей на второстепенные обстоятельства и оправдания мужчин-убийц: *muerte cerebral* (смерть мозга), *un trastorno mental* (психическое расстройство), *el hospital psiquiátrico* (психиатрическая больница), *ciertos rasgos patológicos con una psicopatía* (патологические особенности психики), *problemas serios por pérdida de seres queridos* (серьезные психологические проблемы из-за потери близких). Необходимо также добавить, что лексические единицы, объединенные в лексико-тематическую группу «случайность», вербализируют непредумышленное нанесение вреда женщине. К ним относятся: *accidentalmente* (случайно), *un accidente* (несчастный случай), *escaparse* (промахнуться). При легитимации фемцида журналистами транслируется идея о том, что женщина-жертва сама виновата в фемциде. Происходит это посредством обвинения ее в супружеской измене и доведении супруга до нервного срыва или сильного эмоционального возбуждения, которое приводит к причинению вреда своей жене. Кроме этого, подробное описание неблагоприятной обстановки в семье служит очередным оправданием фемцида как трагической случайности.

2.1.2. Стратегия апелляции к авторитету эксперта при легитимации фемцида

В некоторых массмедийных текстах авторы в процессе легитимации фемцида обращаются к мнению эксперта, реализуя **стратегию апелляции к авторитету эксперта**, в качестве которого выступают представители государственных структур: судьи и судмедэксперты. Эксперты квалифицируют фемцид как легкие травмы (*lesiones leves*), неправильное обращение с оружием (*manipular mal el arma*), не попытка убийства женщины (*no un intento de femicidio*), несчастный случай (*un incidente*) – примеры 13–17. Таким образом, ссылаясь на мнения авторитетных личностей, журналисты придают объекту легитимации еще большую законность, заставляют читателя поверить в его легитимность и оправданность. Данная стратегия на языковом уровне реализуется посредством косвенной речи. При передаче информации авторы статей обращают внимание читателей на следующее: если написанное ими сказано авторитетными личностями (судьями, сотрудниками правоохранительных органов), то такая информация, во-первых, достоверная, во-вторых, имеет значение для установления обстоятельств.

(13) ... *el juez Martín Rizzo consideró que se trató de un episodio de “lesiones leves” y no un intento de femicidio...* (Página12 / A María la mató el padre de sus hijos y también la justicia / 24.03.2015). / ...судья Мартин Риццо посчитал, что потерпевшая получила **«легкие травмы»**, которые **нельзя расценивать как попытку убийства женщины...**

(14) *Los peritos que declararon durante el proceso indicaron que **manipuló mal el arma...*** (El Observador / Policía mató a su esposa embarazada, primero lo condenaron por homicidio pero un tribunal le agregó el delito de aborto / 31.01.2017). / Эксперты, давшие показания в ходе расследования, указали на то, что он **неправильно обращался с оружием...**

Не исключены случаи, когда мужчине-убийце находят оправдание в связи с его неадекватным, нехарактерным для общества поведением. Пример 15 представляет собой подобный случай: человека, совершившего противоправные действия, стремятся оправдать. Происходит это следующим образом: сторона защиты в лице адвоката утверждает, что подсудимый в момент совершения убийства женщины находился в нестабильном эмоциональном состоянии. Подтверждением этому является образное выражение «*estado de emoción violenta*» (состояние сильного душевного возбуждения). В данном примере номинативная единица *violenta*, имеющая сему «насильственный, агрессивный», указывает на наличие негативного настроения у мужчины. Однако в сочетании с существительным *emoción* объективируется как нейтральная, скорее оправдывающая.

(15) *La defensa planteaba que Tablado era inimputable o que al menos debía condenársele a una pena reducida porque consideraba que actuó en «estado de emoción violenta»* (*La Capital / Carolina Aló: cómo fue el femicidio hace 25 años / 26.05.2014*). / Защита утверждала, что Табладо не несет уголовной ответственности или что, по крайней мере, суд должен смягчить приговор, поскольку считалось, что он действовал в **«состоянии сильного душевного возбуждения»**.

Ввиду отсутствия надлежащих доказательств судьи приходят к решению смягчить приговор убийце или полностью его отменить, ссылаясь на то, что у мужчины не было намерения убить. Авторы статей выражают это посредством использования словосочетания *la intención de matar* (намерение убить) в сочетании с глагольным отрицанием *no quedó acreditado* (не было подтверждено). Наречие *cobalmente* (полностью) выражает авторскую эмоционально-субъективную оценку того, что преступление хоть и было совершено, но подтверждений причинения вреда женщине мужчиной недостаточно. При этом, журналисты намеренно неоднократно указывают, что решение принято судьей и, к тому же, указывают его должность для

конструирования образа авторитетного человека, мнение которого стоит учитывать – пример 16.

(16) *Cisternas (el ministro vocero de la Corte Suprema) explicó que se quitó la condena por femicidio porque **no quedó cabalmente acreditado** en la secuencia de los hechos **la intención de matar** (El Universal / Reducen pena a hombre que le sacó los ojos a su pareja; fallo indigna a Chile / 11.07.2017). / Цистернас (министр-представитель Верховного суда) объяснил, что судимость за убийство женщины была снята, потому что в последовательности событий **не было полностью подтверждено намерение убить**.*

В массмедийных текстах на испанском языке стратегия апелляции к авторитету эксперта реализуется посредством косвенной речи, которой нередко предшествует производный предлог *según* (согласно). Так, журналисты акцентируют внимание аудитории на том, что представленная информация является достоверной, т. е. основана на реальных фактах и мнении авторитетного лица. При легитимации фемцида экспертные лица квалифицируют данный феномен как несчастный случай (*un incidente*). Номинативная единица *un incidente* имеет определяется следующим образом: «*hecho que produce algún efecto generalmente no deseado*» (факт, вызвавший нежелательный эффект) [DRAE, 2014]. Сотрудники генеральной прокуратуры отдают предпочтение лексике с нейтральной оценочной коннотацией в своих высказываниях и отрицают остросоциальную проблему – фемцид.

При детализации обстоятельств случившегося отсутствуют лексические единицы, которые можно было бы объединить в лексико-тематическую группу «преступление/убийство». Более того, уточняется, что у мужчины отсутствовало намерение причинить вред женщине. Вербализуется это посредством словосочетания *conversación personal* (личный разговор), одним из компонентов которого является качественное прилагательное *personal* (личный), определяемое как «*perteneciente o relativo a la persona*» (принадлежащий лицу или связанный с ним). Стоит отметить, что мужчине, совершившему убийство по гендерному признаку, дается номинация *el hombre*

(мужчина). Существительное *el hombre* (мужчина) также имеет нейтральную оценочную коннотацию и имплицитно иллюстрирует нежелание экспертов принять факт того, что было совершено противоправное действие по отношению к женщине – пример 17.

(17) *Según el documento de formalización que publicó la Fiscalía General de la Nación, el hombre llamó a su **ex mujer** para tener una conversación personal sobre los términos de su separación <...> habían tenido **un incidente** (El Observador / Muerte en Colonia: la mató a dos semanas de haberse divorciado / 04.09.2017).* / Согласно официальному документу, опубликованному Генеральной прокуратурой страны, мужчина позвонил своей **бывшей жене**, чтобы лично обсудить условия их развода <...> у них произошел **несчастный случай**.

Таким образом, в латиноамериканском массмедийном пространстве фемциду находят оправдание, квалифицируя убийства женщин на почве ненависти и гендерного неравенства как оплошность и банальную случайность. Бóльшую достоверность в глазах общественности транслируемые идеи приобретают тогда, когда журналисты ссылаются на мнения авторитетных экспертов и высших судебных инстанций. Используются нейтральные лексические единицы, которые не имеют отрицательные коннотации. Языковые средства с нейтрально-оценочной семантикой, использованные в статьях, легитимирующих фемцид, можно объединить в лексико-тематическую группу «случайность/непреднамеренность».

2.2. Стратегии делегитимации фемцида в латиноамериканских СМИ

2.2.1. Стратегия моральной оценки при делегитимации фемцида

В более поздних статьях (с 2018 года), под влиянием современных идей гендерного равенства и в связи с усилением феминистских настроений,

наблюдается обратный легитимации процесс – делегитимация фемцида. Делегитимация направлена на лишение объекта легитимации легитимности и формирование представления о том, что убийство на гендерной почве не может замалчиваться и репрезентироваться как нелепая случайность, а предполагаемая неверность женщины не должна расцениваться как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора убийце-мужчине. В латиноамериканских СМИ делегитимация фемцида, прежде всего, реализуется посредством **стратегии моральной оценки**. Фемциду даются следующие наименования: *femicidio* (фемцид), *la violencia* (насилие), *un delito de homicidio muy especialmente agravado* (особо тяжкое преступление в виде убийства при отягчающих обстоятельствах) – примеры 18–19.

(18) ... *confeso de haber asesinado y descuartizado a su pareja, para luego lanzarla al río Mapocho* <...> *Además agregó que la violencia era algo común en la relación del agresor y la víctima (La Tercera / Violencia marcaba relación sentimental de hombre que descuartizó a su pareja / 9.03.2020).* / ... признавшись в том, что **убил** и **расчленил** свою партнершу, чтобы позже бросить ее в реку Мапучо <...> Он также добавил, что **насилие** было обычным явлением в отношениях между **агрессором** и жертвой.

(19) *Un joven de 21 años fue imputado por un femicidio ocurrido el pasado sábado 25 de febrero en San José* <...> *Así, se lo imputó por «la presunta comisión de un delito de homicidio muy especialmente agravado (femicidio)» (El Observador / Joven de 21 años fue imputado a 180 días de prisión preventiva por femicidio en San José / 5.03.2023).* / 21-летнему молодому человеку было предъявлено обвинение в **убийстве женщины**, произошедшем в прошлую субботу, 25 февраля, в Сан-Хосе <...> Таким образом, ему было предъявлено обвинение в «предполагаемом совершении **особо тяжкого преступления – убийства при отягчающих обстоятельствах (фемцид)**».

При этом отметим, что действия мужчины описываются с помощью таких резких отрицательных лексических единиц, как *asesinar* (убить), *descuartizar* (расчленить), *lanzar al río* (бросить в реку). Отсутствует

эвфемизация, пресса открыто говорит о проблеме и не стремится скрыть кровавые подробности.

Следует также упомянуть использование глагольных словосочетаний, отражающих весь ужас фемцида: *atentar contra la vida* (совершать покушение на жизнь), *amenazar de muerte* (угрожать смертью), *atropellar intencionalmente* (намеренно сбить). Употребление такого рода выражений провоцирует у читателя сильные эмоции, иногда даже ненависть к мужчинам, совершившим убийство женщины – пример 20.

(20) *...se entrevistaron con la víctima, la cual indica que fue su ex pareja la que **atentó contra su vida**, utilizando al parecer **un artefacto flamable tipo aerosol**, el cual fue lanzado a la habitación donde ella dormía... Cabe señalar que anteriormente la ex pareja de esta mujer ya **la ha amenazado de muerte** (Miguel Ángel Luna Noticias / Se registra intento de feminicidio en la ciudad de Tepic / 7.06.2022). / ...при опросе потерпевшая утверждала, что именно бывший партнер совершил покушение на ее жизнь, по-видимому, с применением легковоспламеняющегося устройства аэрозольного типа, которое было брошено в комнату, где она спала...Следует отметить, что бывший партнер этой женщины ранее угрожал ей смертью.*

Пример 20 наглядно демонстрирует желание журналистов открыто говорить о проблеме, описывать в деталях совершенное преступление. Так, используется специфическая лексика – криминалистические термины, называющие орудия, которые использовал мужчина для совершения преступления: *artefacto flamable tipo aerosol* (легковоспламеняющееся устройство аэрозольного типа).

Нередко в статьях утверждается, что преступления против женщин совершаются мужчинами намеренно, они якобы изначально желают им смерти – пример 21.

(21) *... luego de que **atropelló intencionalmente a su expareja** y al hijo de ella (La Tercera / Femicidio frustrado en La Serena: hombre quedará en prisión*

preventiva / 08.04.2023). / ... после того, как **он намеренно сбил свою бывшую партнершу** и ее ребенка.

Авторы статей неоднократно подчеркивают, что подсудимые могут давать ложные показания. В анализируемых текстах выделяется разнообразие лексических единиц, вербализующих недоверие к мужчинам-убийцам. Например, пресса пишет о несоответствиях в показаниях подозреваемого, на что указывает существительное *inconsistencias*. Примечательно, что данная номинативная единица в примере 22 взята журналистами в кавычки. Фигура иронии выступает одним из основных механизмов формирования презрительной тональности. Иронические кавычки меняют знак коннотативной семантики слова. Закавыченная ирония встречается в текстах пренебрежительной модальности и в аналогичных «оскорбительных» высказываниях. Таким образом, автор статьи выражает свое пренебрежительное отношение к мужчине-убийце и высмеивает его. Посредством глаголов, объединенных в лексико-тематическую группу «раскрыть правду/признать» (*quebrarse* (расколоться), *confesar* (признаться)), а также глагола *mentir* (лгать) с семой «говорить неправду», журналисты акцентируют внимание читателей на том, что мужчина лжет. Таким образом, выявлена закономерность использования семантико-мотивационного поля «ложь, обман» для демонстрации патологической лживости мужчины, совершившего убийство. Так, пресса пытается показать, что после тщетных попыток подозреваемого выдать желаемое за действительность правда всплывает наружу и мужчины признаются в совершении противоправных действий и в причастности к убийству женщины – пример 22.

(22) *Voceros policiales informaron a la agencia Télam que alrededor de las 23 de anoche, y ante las «inconsistencias» de Rodríguez en su relato de los hechos, el hombre se **quebró** de manera espontánea ante los investigadores y, **frente a un testigo**, pronunció las frases con las que **confesó que había mentido** sobre el asalto y que **él la había asesinado** en una discusión (La Nación / «Discutimos y le pegué un tiro». Su pareja dijo que la habían matado en un asalto, pero luego confesó el*

femicidio / 04.12.2023). / Правоохранительные органы сообщили агентству *Télam*, что около 23 часов прошлой ночью из-за «**несоответствий**» в своем рассказе Родригес неожиданно **раскололся** в присутствии следователя и **понятого**, после чего **признался**, что **солгал** о нападении и **убил ее** во время ссоры.

Журналисты прибегают к использованию лексем, выражающих неоднократное причинение вреда. Мужчина-преступник применяет насилие по отношению к своей партнерше с высокой периодичностью и подвергает женщину-жертву долгой и мучительной смерти. Так, на языковом уровне это выражено посредством лексических единиц с семантикой «жестокость»: *asesinar a golpes* (забить до смерти), *matar de 113 puñaladas* (совершить убийство с нанесением 113 ножевых ранений), *apuñalar 30 veces* (нанести 30 ножевых ранений). Помимо этого, упоминается количество нанесенных ранений/ударов посредством количественных числительных – примеры 23–25.

(23) *Una mujer fue asesinada a golpes este jueves en una plantación de kiwis cercana a la ciudad bonaerense de Miramar y por el hecho quedó detenido su marido, quien se sospecha habría sido el autor del femicidio* (*La Nación / Femicidio en Miramar: mataron a una mujer a golpes en una plantación de kiwis / 21.04.2023*). / В четверг женщина **была забита до смерти** на плантации киви недалеко от города Мирамар в Буэнос-Айресе, а ее **мужа, виновника преступления**, уже задержали.

(24) *El novio de Carolina Aló, Fabián Tablado, la mató de 113 puñaladas en una casa de la localidad bonaerense de Tigre* (*La Capital / Carolina Aló: cómo fue el femicidio hace 25 años / 26.05.2021*). / Фабиан Табладо **совершил убийство с нанесением 113 ножевых ранений** своей девушке Каролины Ало в городе Тигре в Буэнос-Айресе.

(25) *Marilyn fue brutalmente asesinada por su esposo Alexander Pinedo con un cuchillo de cocina. Según informes de la policía, el hombre la habría apuñalado 30 veces en una de las habitaciones de la casa donde vivían juntos con*

su hijo, quien presenció el trágico suceso <...> más adelante encontraron el cuerpo sin vida de Marilyn y a Alexander (El Universal / Tiktoker es asesinada por su propio esposo frente a su hijo de 8 años y conmociona las redes / 26.01.2020). / **Мэрилин была жестоко убита** кухонным ножом своим **супругом** Александром Пинедо. По данным полиции, **мужчина нанес ей 30 ножевых ранений** в одной из комнат дома, где они проживали вместе с сыном, ставшим свидетелем **трагического события** <...> позже нашли **безжизненные тела** Мэрилин и Александра.

Спустя некоторое время после совершения убийства, о котором идет речь в примере 24, дискуссии не утихают, и журналисты пишут о проблемах, с которыми сталкиваются родные погибших по сей день. В речи посредством существительного *dolor* (боль) актуализируется концепт боли. СМИ ссылаются на душевные страдания родных для эмоционального воздействия на адресата и усиления процесса делегитимации, стремясь предотвратить появление чувства сожаления и сострадания к убийце. Так, путем внедрения гиперболических сочетаний, а именно *innumerables batallas legales* (бесчисленные юридические баталии), журналистами намеренно преувеличиваются детали ужасающего события и усиливается выразительность высказывания. Стоит также добавить, что авторы статей отмечают, что совершенное мужчиной-убийцей преступление является самым чудовищным (*más atroces*) в истории страны. Таким образом, использование оценочного прилагательного *chudovishnyy* (*atroces*), имеющего коннотацию «жестокий, бесчеловечный», в сочетании с превосходной степенью нацелено на придание яркой эмоциональной окраски данному событию – пример 26.

(26) *El dolor persiste para Edgardo Aló, el padre de la víctima, quien, tras innumerables batallas legales, sigue luchando por la memoria de su hija y por mantener a raya al hombre que le arrebató la vida. El 27 de mayo de 1996, Fabián Tablado cometió uno de los femicidios más atroces en la historia del país... (Página12 / La Justicia prorrogó una restricción perimetral para Fabián Tablado, el femicida de las 113 puñaladas / 29.04.2024).* / **Боль** сохраняется для Эдгардо

Ало, отца жертвы, который после **бесчисленных юридических баталий** продолжает бороться за память о своей дочери и за то, чтобы держать в страхе человека, отнявшего у нее жизнь. 27 мая 1996 года Фабиан Табладо совершил **одно из самых жестоких убийств женщин** в истории страны... .

В ходе анализа было обнаружено использование эмотивов, указывающих на то, что конфликты, повлекшие за собой смерть представительниц женского пола, происходят сгоряча. Подтверждением этому является повторяющийся эмотив *te odio* (я тебя ненавижу), репрезентирующий агрессивное проявление на межличностном уровне. Эмоция ненависти является центральной, а её когнитивный аспект состоит в планировании агрессивных действий против объекта ненависти вплоть до нанесения физического вреда здоровью и жизни человека – пример 27. Стоит также обратить внимание, что в примере, приведенном ниже, приводятся подробности совершения фемцида с помощью однородных членов предложения, а именно глаголов с семантикой «насилие»: *tomar del cuello* (хватать за шею), *asfixiar* (душить). Так, журналисты демонстрируют безжалостное отношение мужчины-убийцы к жертве и насильственный характер совершаемых им действий.

(27) *La toma del cuello y comienza a asfixiarla, mientras le grita, «te odio, te odio» (La Tercera / Problemas para Colo Colo: Jordhy Thompson queda en prisión preventiva tras ser imputado por femicidio frustrado y desacato / 06.11.2023).* / Он **хватает ее за шею** и **начинает душить**, крича на нее **«Я тебя ненавижу, я тебя ненавижу»**.

Не исключены также случаи, когда уже ранее осужденных мужчин, совершивших фемцид, приговаривают к новому сроку из-за недавно появившихся улик, указывающих на убийство не только женщины, а еще и их совместного ребенка. Необходимо отметить, что виновник преступления прибегает к насильственному обращению именно с ребенком-девочкой, что демонстрирует проявление чувства ненависти к женскому полу со стороны мужчины-убийцы – пример 28. При этом мужчину называют шакалом

(*chacal*), посредством подобным метафорических сравнений ему приписываются повадки данного животного – атакуют жертву исподтишка во время сна, устраивают бесчинства ради удовольствия, расхищают гнезда и охотятся на чужое потомство, запугивают жертву, играют с ней.

(28) *El chacal de Traslasierra. Cumplía 38 años de cárcel por un femicidio y ahora lo condenaron por matar a una mujer y a su hija* (*La Nación / El chacal de Traslasierra. Cumplía 38 años de cárcel por un femicidio y ahora lo condenaron por matar a una mujer y a su hija / 27.04.2023*). / **Шакал** из Трасласиерры отбывал 38-летний тюремный срок за **убийство женщины**, а теперь он осужден за **убийство женщины и ее дочери**.

Рассмотрим обстоятельства, при которых происходят безнаказанные действия по отношению к женщинам. Мужчина-убийца совершает данное злодеяние в момент, когда жертва совершенно того не ожидает. Так, используется глагол «*sorprender*» (застать врасплох) с соответствующим ему лексическим значением: «*pillar desprevenido*» (застать врасплох) [DRAE, 2014]. Мужчина изначально не оставляет жертве возможности сбежать, а тем более выжить. Таким образом, журналисты эксплицируют интенцию убийцы безжалостно расправиться с жертвой – пример 29.

(29) *El domingo 16 de enero pasadas las 20, el agresor sorprendió y atacó con un cuchillo a la víctima* (*La Capital / Otro femicidio: una mujer de Las Parejas atacada por su novio falleció tras estar 17 días internada / 02.02.2022*). / В воскресенье, 16 января, после 20:00 агрессор **застал врасплох** и напал на жертву с ножом.

Журналисты отмечают: когда жертву находят, она пребывает в критическом состоянии, а значит, она с высокой вероятностью не сможет выжить. Мужчина-убийства безжалостно избивает ее и наносит многочисленные травмы, несопоставимые с жизнью. СМИ демонстрируют нелегитимность фемицида посредством наречий меры и степени с семантикой «суровости»: *mu*y (крайне), *brutalmente* (жестоко) – пример 30.

(30) *Cuando Ana fue encontrada, su estado de salud era muy delicado, había sido **brutalmente golpeada** (Página12 / Segundo femicidio de abril en La Rioja / 01.05.2023).* / Когда Ана была найдена, ее **состояние было крайне тяжелым, она была жестоко избита.**

Следует отметить, что наличие ряда лексических единиц, относящихся к лексико-тематической группе «жестокость», иллюстрирует главную черту мужчин-убийц – агрессивность. Так, к ним можно отнести: *violenta* (жестокий), *la agresión psicológica y verbal* (психологическая и вербальная агрессия), *la agresión física* (физическая агрессия), *la violencia* (жестокость). При этом ключевым фактором, подавляющим желание жертвы заранее обратиться в правоохранительные органы за помощью, является страх (*temor*) – пример 31.

(31) *... testigos del círculo íntimo de la pareja refirieron que el hombre era una persona **violenta** <...> ... en un comienzo de la relación, en 2020, **la agresión fue más psicológica y verbal, pero que luego se tornó física** (La Nación / Brutal femicidio: una mujer fue apuñalada 24 veces por su pareja dentro de una bañera / 11.02.2024).* / ... свидетели из ближайшего окружения пары сообщили, что мужчина был **жестоким** человеком <...> ... в начале отношений, в 2020 году, **агрессия** носила скорее **психологический и вербальный характер**, но позже стала **физической**.

Необходимо отметить, что в Латинской Америке существует концепт «Грязной Войны» («*Guerra Sucia*»), который представляет собой террористические меры, принимаемые государством, а именно – похищения, пытки и казни. Данный термин служил оправданием военнослужащих при совершении негуманных действий с их стороны в период гражданского конфликта. Лексема *sucio* (грязный) и ее синонимы со значением «непристойный», «нечистый» демонстрируют прагматический аспект, отражая национально-культурные особенности испанского языка на территории Латинской Америки. Таким образом, лексическая единица *sucio* в латиноамериканском дискурсе обозначает нечто ненавистное в иерархии

«государство-общество». В контексте социальной иерархии «мужчина-женщина» мужчины-убийцы используют лексему «грязный» в отношении своей супруги для выражения ненависти и отсутствия сострадания к ней – пример 32.

(32) «*Me tenía cansado con sus amenazas, la **mugrienta** esa. Le di como cinco puñaladas*» (*El Observador / Brutal confesión del femicida de Yanina Pérez en San Juan: «Le di como cinco puñaladas» / 17.02.2024*). / Она надоела мне своими угрозами, эта **грязная** девчонка. Я ударил ее ножом около пяти раз.

Рассматривая процесс языковой делегитимации фемцида в латиноамериканской прессе, можно сделать вывод, что в настоящее время наметился переход от легитимации фемцида к его делегитимации, связанный с осознанием того, что ни одно убийство не может быть оправдано. В латиноамериканских массмедийных текстах присутствуют лексические единицы, характеризующие фемцид как преднамеренное убийство, которое уже не преподносится как случайное стечение обстоятельств, обусловленное психическими расстройствами преступника или якобы неадекватным и провокационным поведением жертвы. На лексическом уровне используются лексемы, описывающие подробности преступления и формирующие у массовой аудитории крайне отрицательное отношение к подобным инцидентам посредством актуализации стратегии моральной оценки. Стратегия моральной оценки при делегитимации фемцида актуализируется посредством использования лексических единиц с эмоционально-оценочной коннотацией. Так, выделяется основная черта преступников – жестокость, которая проявляется на физическом и психологическом уровнях. Жертвы при этом испытывают страх, который не дает им обратиться за помощью в правоохранительные органы. Реализация стратегии моральной оценки при делегитимации фемцида направлена на неприемлемость совершения преступления на гендерной почве и необходимость принятия мер для предотвращения в дальнейшем данного рода трагических событий.

2.2.2. Языковая реализация стратегии апелляции к авторитету эксперта при делегитимации фемицида

При делегитимации фемицида латиноамериканские журналисты также прибегают к **стратегии апелляции к авторитету эксперта**, в качестве которого выступают представители государственных организаций: *el gobernador* (губернатор), *el juez* (судья), *la fiscalía* (прокуратура), *el tribunal* (суд), *el Ministerio Público* (государственная прокуратура), *el equipo fiscal especial* (специальная прокурорская группа), *un investigador* (следователь) – примеры 33–40. Данная стратегия на языковом уровне реализуется посредством косвенной речи, а также прямого цитирования. Использование косвенной речи направлено на подчеркивание важности адекватной огласки фемицида и обеспечение достоверности информации, поскольку принято считать, что эксперты обладают опытом и знаниями в данной области. Прямое цитирование также является эффективным способом актуализации стратегии апелляции к авторитету эксперта. Таким образом, журналисты демонстрируют широкой аудитории, что написанная ими информация основана на фактах, а не на вымысле и не является мифом.

При этом сами фемициды характеризуются экспертами как зверские убийства женщин, что, в свою очередь, вербализовано соответствующими лексическими единицами, которые можно объединить в лексико-тематическую группу «преступление/убийство»: *asesinadas cobardemente* (зверски убитые), *asesinar de una mujer* (убийство женщины), *delito de homicidio calificado* (тяжкое убийство), *delito* (преступление), *análogo al homicidio* (убийство), *homicidio doblemente agravado calificado por alevosía y por ser cometido en contra de una mujer* (намеренное двойное убийство с отягчающими обстоятельствами по отношению к женщине), *asesinadas cobardemente* (зверски убитые) – примеры 33–35. Центральными являются существительное *homicidio* и глагол *asesinar*, которые усиливаются прилагательными и наречиями. Согласно словарю Королевской академии

испанского языка, номинативная единица *homicidio* имеет следующее лексическое значение: «*muerte causada a una persona por otra*» (убийство, совершенное одним человеком другому), в то время как *asesinar* определяется как «*matar a alguien con alevosía, ensañamiento o por una recompensa*» (совершить тяжкое преступление с отягчающими обстоятельствами с возможной целью получения вознаграждения) [DRAE, 2014]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование такого рода лексических единиц при делегитимации фемицида иллюстрирует основную идею фемицида – беспощадное убийство по гендерному признаку из-за устоявшихся патриархальных установок.

(33) *El gobernador Enrique Alfaro informó sobre la detención del presunto feminicida de dos mujeres que fueron asesinadas dentro del ministerio público en el <...> Ya está detenido. Esta mañana les dije que no descansaríamos hasta encontrar y llevar ante la justicia al presunto feminicida de Liliana y Alondra, asesinadas cobardemente en el Ministerio Público de Poncitlán... (El Universal / Detienen a sujeto que mató a su esposa y suegra en Ministerio Público de Poncitlán, Jalisco / 01.02.2023).* / Губернатор Энрике Альфаро сообщил об аресте предполагаемого **убийцы двух женщин**, которых нашли мертвыми в здании государственного министерства <...> Он уже задержан. Этим утром я сказал вам, что мы не успокоимся до тех пор, пока не привлечем к ответственности подозреваемого по делу Лилианы и Алондры, **зверски убитых** в государственном министерстве Понситлана... .

(34) *Un hombre acusado de asesinar a una mujer y a su hijo menor de edad, hace 12 años en el municipio mexiquense de Xalatlaco fue vinculado a proceso por un juez del Poder Judicial del Estado de México. El impartidor de justicia consideró que José Gerardo «N», es probable responsable del delito de homicidio calificado, luego de que el agente del Ministerio Público de la Fiscalía General de Justicia del Estado de México aportó las pruebas suficientes para inculparlo (El Universal / A proceso, hombre acusado de matar a su esposa y a su hijo hace 12 años / 31.07.2022).* / Мужчина, обвиняемый в **убийстве женщины** и ее

несовершеннолетнего сына 12 лет назад в мексиканском муниципалитете Халатлако, был привлечен к ответственности судьей штата Мехико. Судья посчитал, что Хосе Херардо «Н», вероятно, несет ответственность за **тяжкое преступление** после того, как агент Государственного министерства Генеральной прокуратуры штата Мехико предоставил достаточные доказательства для предъявления обвинений.

(35) *Así, pidió (La Fiscalía) que la pena se aumentara a 24 años de prisión. Esto porque este delito se considera «análogo al homicidio» puesto que la víctima no se puede defender (El Observador / Policía mató a su esposa embarazada, primero lo condenaron por homicidio pero un tribunal le agregó el delito de aborto / 31.01.2023).* / Таким образом, она (Прокуратура) просила увеличить срок наказания до 24 лет лишения свободы. Это объясняется тем, что данное **преступление** «сопоставимо с **убийством**», поскольку жертва была не в силах себя защитить.

Судьи, которые выносят приговор убийцам, все чаще приговаривают их к пожизненному заключению (*la pena máxima*), поскольку имеются доказательства того, что преступление совершается намеренно (*por alevosía*). В статьях фигурируют лексические единицы с семантикой «злой умысел», подчеркивается суровость и безжалостность виновников преступления – пример 36.

(36) *Después de ese acto, el Tribunal, integrado por las juezas María Margarita Nallar y Carolina Pérez Rojas y el juez Mario Ramón Puig, pasó a deliberar y antes de la media hora regresó para dar el veredicto: condena a la pena máxima a Raúl Cachizumba y Mauricio Abad por «homicidio doblemente agravado calificado por alevosía y por ser cometido en contra de una mujer (femicidio)» (Página12 / Jujuy: prisión perpetua para dos hombres por el femicidio de Iara Rueda / 3.05.2023).* / После этого Суд в составе Марии Маргариты Наллар и Каролины Перес Рохас, а также Марио Рамона Пуч приступил к совещанию и через полчаса вернулся, чтобы вынести вердикт: приговорить Рауля Качизумбу и Маурисио Абаду к **пожизненному заключению** за

«преднамеренное двойное убийство женщины (фемцид) с отягчающими обстоятельствами».

Категория количества является одной из составляющих в построении языковой картины мира, а также признается важнейшей семантической и лексической универсалией. В текстах статей отмечается многократность совершения противоправных действий мужчиной-убийцей. В таких случаях оценка количества производит психологическое давление на читателей, превращаясь в аксиологизацию (процесс, при котором событиям приписываются субъективные элементы такие как этические/моральные). Выражается это посредством использования прилагательного *reiterado* (неоднократный) – пример 37. При этом, ключевую роль на уровне грамматики играет сложное условное наклонение (*condicional compuesto*): оно выражает возможное, вероятное действие в прошлом. Стоит также обратить внимание на использование пассивного залога, основной функцией которого является выражение интереса к человеку, который испытывает на себе действие, в данном случае – к женщине, ставшей жертвой фемцида.

(37) *Al respecto, desde el Ministerio Público se detalló que la mujer habría sido agredida en reiteradas ocasiones, perdiendo la vida al interior de una pieza del edificio emplazado en la intersección de las calles Manuel Bulnes y Francisco Bilbao (La Tercera / Femicidio en Osorno: decretan prisión preventiva contra sujeto que asesinó a su pareja de 23 años / 30.04.2024).* / В связи с этим представители государственной прокуратуры утверждают, что **женщина неоднократно подвергалась нападениям**, в результате чего погибла внутри здания, расположенного на пересечении улиц Мануэль Бульнес и Франсиско Бильбао.

Делегитимация фемцида – это важное и сложное задание для журналистов, поскольку они не только информируют общественность о чудовищности таких преступлений, но и несут ответственность за формирование общественного мнения вокруг данной социальной проблемы. Основная цель журналистов: ни в коем случае не допустить появление

симпатии к убийце и акцентировать внимание на его исключительной вине. Так, они прибегают к использованию качественного прилагательного *único* (единственный) при описании исполнителя преступления (*autor del crimen*) для наглядной репрезентации того, женщина пострадала от рук именно того мужчины, который находится под следствием. Таким образом, лексические единицы, выражающие причастность мужчины к смерти женщины, можно объединить в группу лексем с семантикой «единственный»: *único* (единственный), *únicamente* (только) – пример 38.

(38) *El Equipo Fiscal Especial de Chaco ha decidido imputar únicamente a César Sena como único autor del crimen* (*El Observador / Caso Cecilia Strzyzowski: César Sena quedó como único imputado por el femicidio / 29.04.2024*). / Специальная прокурорская группа Чако решила предъявить обвинение **только** Сезару Сене как **единственному исполнителю преступления**.

При описании характера взаимоотношений между жертвой и убийцей следователи прибегают к лексике с семантикой «нездоровый», «болезненный». Использование словосочетаний, одним из компонентов которых является прилагательное с частицей *ne*, демонстрирует наличие деструктивных отношений. Отмечается, что зачастую у партнеров нездоровые отношения (*una relación enfermiza*) – пример 39.

(39) «*Tenían una relación enfermiza*», *describió a la agencia Télam un investigador* (*La Nación / «Hoy mi marido me va a matar». La estremecedora predicción que le hizo a una vecina una víctima de femicidio / 11.01.2024*). / «У них были **нездоровые отношения**», – рассказал агентству *Télam* следователь.

Эксперты уделяют особое внимание тому, какую номинацию дать мужчине, совершившему феминцид: *presunto feminicida* (предполагаемый убийца женщины), *el autor de femicidio* (виновник преступления), *el agresor* (агрессор), *el chacal* (шакал). Лексические единицы с семантикой «агрессивность» и «жестокость» привлекают еще больше внимания к фигуре преступника и вызывают сильные негативные эмоции при прочтении статей. Латиноамериканские СМИ демонстрируют читателю, что совершено зверское

убийство, а мужчина – холоднокровный убийца, которого не стоит жалеть. Конструируется образ преступника: безжалостного, жестокого и бесчеловечного. Важно уточнить, что ранее – в процессе легитимации – мужчины-убийцы назывались «бывшими партнерами», «супругами» и «мужьями». Считалось, что муж, будучи главой семьи, имеет полное право на распоряжение судьбой своей супруги (нередко и детей тоже). Все это отголоски патриархата, которые также поддерживались в СМИ.

Из-за участвовавших феминистов в Латинской Америке правительство вынуждено было принять законы, расширяющие спектр преступлений, попадающих под категорию феминицида. Если ранее феминицидом принято было считать убийство, совершенное мужем или сожителем, то на данный момент существует так называемый «Закон Габриэлы» (*la Ley Gabriela*), согласно которому феминицид совершается как сожителем, так и молодым человеком, с которым жертва жила отдельно. Поводом к принятию данного закона стало зверское убийство девушки по имени Габриэла Алькаино, пострадавшей от рук своего молодого человека (пример 40).

(40) *Este martes el Quinto Tribunal en lo Penal de Santiago declaró culpable a Fabián Cáceres Aravena por el asesinato de su expareja, Gabriela Alcaíno, y de la madre de ella, Carolina Donoso. Este caso se remonta al año 2018 y fue el que motivó la génesis de la Ley Gabriela, la cual retipificó el femicidio en nuestro país (El Desconcierto / El caso que terminó en ley: Condenan a asesino de Gabriela Alcaíno / 12.04.2022).* / Во вторник **Пятый уголовный суд Сантьяго признал** Фабиана Касереса Аравена **виновным в убийстве своей бывшей партнерши** Габриэлы Алькаино и ее матери Каролины Доносо. Данный случай произошел в 2018 году и стал **причиной принятия Закона Габриэлы**, который реклассифицировал феминицид в нашей стране.

Отметим, что ранее – в процессе легитимации – феминициды описывались как «двойная трагедия», «трагический случай», «несчастный случай», а сейчас наблюдается использование иных лексических единиц, а именно – «тяжкое убийство», «убийство женщины» и др., которые противопоставляются

трагической случайности. Латиноамериканские СМИ делегитимируют фемцид, репрезентируя мужчин как бесчеловечных убийц.

В ходе анализа латиноамериканских изданий был выявлен диахронический аспект исследования, который раскрывает эволюцию стратегий легитимации и делегитимации фемцида в разные периоды времени. До 2018 года в Латинской Америке гендерное насилие и убийства женщин были широко распространены. Одним из главных факторов, способствующих этому, была преобладающая мужская доминанта в обществе, а также пропаганда патриархальных ценностей в СМИ. Это привело к тому, что убийства женщин стали рассматриваться как что-то нормальное и неизбежное, что подрывало усилия по предотвращению таких преступлений.

Однако с течением времени и усилением борьбы за права женщин ситуация начала меняться. В рамках массмедийного дискурса реализовывались стратегии делегитимации фемцида, которые ставили в центр внимания важность борьбы с насилием над женщинами и защиту их прав. Это привело к улучшению осведомленности общества о проблеме фемцида, изменению законодательства и пресечению преступлений на гендерной почве.

По мере углубления понимания проблемы фемцида общественное сознание в Латинской Америке начало меняться. Убийства женщин перестали рассматриваться как случайное явление, их стали расценивать как системную проблему, связанную с гендерным насилием и неравенством. Благодаря активной работе феминистского движения и поддержке гражданского общества, власти начали принимать меры для борьбы с этим явлением.

Законодательные изменения, направленные на защиту женщин от насилия и убийств, стали приоритетом для правительства. Общественные кампании, целью которых является просвещение и привлечение внимания к проблеме фемцида, проводятся на постоянной основе. Кроме того, судебные органы стали строже наказывать виновных в преступлениях против женщин, что также способствует уменьшению безнаказанности в данной сфере.

В 2018 году после принятия закона о борьбе с фемцидом в Мексике феминистское движение начало набирать силу, а преступления против женщин стали привлекать большое внимание общества. СМИ развернули процесс делегитимации фемцида с целью привлечения внимания к проблеме убийства женщин на почве ненависти и гендерного неравенства и увеличения социальной значимости данного феномена. Журналисты прибегают к распространению историй о жестоких убийствах женщин, чтобы продемонстрировать последствия безнаказанности и гендерного неравенства. Женщина, прежде всего, является человеком с таким же набором прав (в том числе и правом на безопасность), как и мужчина. В настоящее время наблюдается создание большего количества законов, защищающих женщин и их право на жизнь.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В ходе анализа были выявлены стратегии легитимации и делегитимации фемцида в латиноамериканской прессе, а также актуализирующие их языковые средства. Так, придание и лишение легитимности реализуется посредством двух ключевых стратегий – стратегии моральной оценки и апелляции к авторитету эксперта, которые, в свою очередь, вербализованы главным образом на лексическом уровне посредством соответствующих лексических единиц. В процессе легитимации фемцида в качестве авторитета выступают судьи, судмедэксперты и эксперты.

При легитимации фемцида латиноамериканские журналисты имеют тенденцию смягчения ситуации посредством использования лексических единиц с семантикой «случайность»: *accidentalmente* (случайно), *un accidente* (несчастный случай), *escaparse* (промахнуться). Отрицание вины мужчины-убийцы приводит к легитимации убийств на почве ненависти и гендерного неравенства. Помимо этого, фемциды описываются как последствие психических отклонений у мужчин, причиной которых являются их супруги/партнеры – женщины. Так, происходит процесс легитимации противоправных действий по отношению к женщинам в связи с факторами, независимыми от виновника преступления. К ним относятся: *muerte cerebral* (смерть мозга), *un trastorno mental* (психическое расстройство), *ciertos rasgos patológicos con una psicopatía* (патологические особенности психики), *problemas serios por pérdida de seres queridos* (серьезные психологические проблемы из-за потери близких).

Супружеская измена (*infidelidad*) является еще одним обстоятельством, оправдывающим фемцид. Патриархальные установки, широко распространенные по всему миру, в том числе Латинской Америке, акцентируют внимание общественности на виновности самой женщины.

Стоит также отметить, что при реализации стратегии апелляции к авторитету эксперта зачастую конструируется образ женщины-агрессора,

провоцирующей мужчину на непреднамеренное преступление. Эксперты оправдывают фемцид и избегают использование данного термина, заменяя его такими номинациями, как *lesiones leves* (легкие травмы), *manipular mal el arma* (неправильное обращение с оружием), *arrebato y obcecación* (нервный срыв), *femicidio frustrado* (неудавшееся убийство), *un incidente* (несчастный случай). Таким образом, отрицается сам факт ненависти на гендерной почве и утверждается, что подобные инциденты не представляют никакой угрозы для женской половины населения Латинской Америки.

Делегитимация фемцида – обратный процесс легитимации – в последнее время все чаще наблюдается в массмедийных текстах латиноамериканских изданий и также реализуется с помощью двух вышеперечисленных стратегий (моральной оценки и апелляции к авторитету эксперта). Латиноамериканскими журналистами подчеркивается особая важность адекватной огласки фемцидов в прессе, а также распространение в социуме идеи гендерного неравенства, лишаящего женщин спокойного и безопасного существования и позволяющего мужчинам безнаказанно совершать насильственные действия в отношении женщин-партнеров. В рамках реализации стратегии апелляции к авторитету эксперта журналисты включают в статьи мнения губернатора, судьи, прокуратуры.

Журналистами особо отмечается та жестокость, с которой мужчины-убийцы обращаются с женщинами. Приводятся детали убийства с указанием точного количества нанесенных ударов/ранений, а также подробности совершения мучительного преступления посредством лексических единиц, объединенных в лексико-семантическую группу «жестокость»: *asesinar a golpes* (забить до смерти), *matar de 113 puñaladas* (совершить убийство с нанесением 113 ножевых ранений).

При делегитимации данного феномена журналистами особенно подчеркивается проявляемая мужчинами жестокость посредством лексических единиц с яркой негативной эмоционально-оценочной семантикой. Судьями выносятся максимально допустимые в рамках

законодательства приговоры (пожизненное заключение) для недопущения подобных инцидентов. Высшие судебные инстанции нацелены на искоренение безнаказанности по отношению к женщинам и намерены лично разбираться в каждом преступлении. Зверские убийства женщин, по словам экспертов, должны быть искоренены в современном обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной исследовательской работы была предпринята попытка выявить и проанализировать ключевые стратегии легитимации и делегитимации фемцида в латиноамериканской прессе на материале статей латиноамериканских изданий, посвященные проблеме фемцида: *Diario de México, La Tercera, Miguel Ángel Luna Noticias, La Nación, Página12, El Universal, El Observador, La Capital, El Desconcierto*.

Для достижения поставленной цели рассмотрены теоретические положения и центральные базовые понятия исследуемой проблематики. Изучена литература по проблеме фемцида как объекта изучения зарубежных и отечественных языковедов, в научных трудах которых освещается тема насилия по отношению к женщинам с лингвистической точки зрения, а также гендерные аспекты социального неравенства в Латинской Америке, где фемцид является острой социальной проблемой, требующей незамедлительного решения.

В Первой главе представлены такие ключевые понятия, как «легитимация» и «делегитимация». Охарактеризована специфика массмедийного дискурса, даны определения понятиям «медиадискурс» и «медиаатекст».

Так, СМИ являются пространством реализации легитимации и делегитимации фемцида, появление которого было спровоцировано многовековой дискриминацией женщин, воспринимаемых как бесправное приложение к мужчине, что, в свою очередь, неизбежно привело к их незащищенному и угнетенному социальному положению. «Фемцид» сосуществует с другим смежным понятием – «феминицид», главное различие которых заключается в том, что феминицид содержит элемент вседозволенности и безнаказанности в результате бездействия или неадекватных действий, предпринятых государством в ущерб праву женщин на жизнь и безопасность.

Языковой и дискурсивный анализ материала позволил установить, что, с одной стороны, СМИ способствуют распространению информации о насилии над женщинами, привлекая внимание общественности и правительства к данной проблеме. Пресса повышает осведомленность общества, рассказывая об общественных кампаниях по борьбе с фемицидом. Так, средства массовой информации являются источником делегитимации убийства женщин, а журналисты открыто заявляют о преступности и незаконности любого вида насилия на гендерной почве, совершаемого мужчинами-партнерами. С другой стороны, журналисты могут усугублять проявления культуры мачизма, конструируя ложный образ женщины, возвращая безнаказанность и отрицая фемицид.

В рамках настоящего исследования рассмотрена сущность и типология стратегий легитимации и делегитимации, среди которых *апелляция к авторитету* (привлечение социального ресурса), *моральная оценка* (сосредоточивание объекта на основании «хорошо – плохо»), *рационализация* (категоризация и концептуализация объекта), *мифопоэтическая стратегия* (пережитки человеческого мифопоэтического сознания).

Формирование легитимности/нелегитимности определённого социального феномена осуществляется на трех стадиях: 1) стадия теоризации, 2) стадия продвижения, 3) стадия окончательного укоренения. Каждая из них включает в себя определенные критерии и условия, при соблюдении которых достигается легитимность/нелегитимность. Так, на стадии теоризации происходит распространение информации о социальном феномене, на стадии продвижения – его принятие/отторжение социумом, которое происходит при поддержке СМИ и государства, на стадии окончательного укоренения – становление социального феномена естественным процессом жизни при легитимации или его дискриминация при делегитимации.

В практической части исследования выявлены языковые средства, реализующие стратегии легитимации и делегитимации фемицида в латиноамериканской прессе. При установлении легитимности данного

социального феномена журналисты используют лексические единицы с семантикой «непреднамеренность»: *accidentalmente* (случайно), *un accidente* (несчастный случай), *escaparse* (промахнуться). Так, они ссылаются на то, что совершаемые преступления являются случайным стечением обстоятельств, транслируя идею о том, что сама женщина является причиной происходящего, поскольку мужчина-убийца – лишь жертва обстоятельств, доведенная до нервного срыва женщиной. Саму женщину обвиняют в неверности, что, в свою очередь, нередко расценивается в суде как смягчающее обстоятельство. Использование стратегии моральной оценки при легитимации фемцида направлено на отрицание прямой вины мужчины-убийцы. Авторы статей нередко используют медицинскую терминологию для смещения фокуса внимания читателей на второстепенные обстоятельства с целью оправдания мужчин-убийц: *muerte cerebral* (смерть мозга), *un trastorno mental* (психическое расстройство), *el hospital psiquiátrico* (психиатрическая больница), *ciertos rasgos patológicos con una psicopatía* (патологические особенности психики), *problemas serios por pérdida de seres queridos* (серьезные психологические проблемы из-за потери близких).

В некоторых массмедийных текстах авторы в процессе легитимации фемцида обращаются к мнению эксперта, реализуя стратегию апелляции к авторитету эксперта, в качестве которого выступают представители государственных структур: судьи и судмедэксперты. Эксперты квалифицируют фемцид как легкие травмы (*lesiones leves*), неправильное обращение с оружием (*manipular mal el arma*) и несчастный случай (*un incidente*), отрицают преступные намерения мужчины (*no un intento de femicidio*). Таким образом, ссылаясь на мнения авторитетных личностей, журналисты придают объекту легитимации еще большую законность, заставляют читателя поверить в его легитимность и оправданность.

В процессе делегитимации фемцида латиноамериканские СМИ активно демонстрируют все реалии происходящего в обществе, репрезентируя фемцид как преступление, за которое придется нести ответственность по

закону. Искоренение фемцида – основная цель журналистов и власти при реализации его делегитимации. Фемциду даются следующие наименования: *femicidio* (фемцид), *la violencia* (насилие), *un delito de homicidio muy especialmente agravado* (особо тяжкое преступление в виде убийства при отягчающих обстоятельствах). Стратегия моральной оценки при делегитимации фемцида осуществляется посредством использования лексических единиц с негативной эмоционально-оценочной коннотацией. Так, выделяется основная черта преступников – жестокость, которая проявляется на физическом и психологическом уровнях.

При реализации стратегии апелляции к авторитету эксперта фемциды характеризуются экспертами как зверские убийства женщин, что, в свою очередь, вербализовано соответствующими лексическими единицами, которые можно объединить в лексико-тематическую группу «преступление/убийство»: *asesinadas cobardemente* (зверски убитые), *asesinar de una mujer* (убийство женщины), *delito de homicidio calificado* (тяжкое убийство), *delito* (преступление), *análogo al homicidio* (убийство), *homicidio doblemente agravado calificado por alevosía y por ser cometido en contra de una mujer* (намеренное двойное убийство с отягчающими обстоятельствами по отношению к женщине), *asesinadas cobardemente* (зверски убитые). Отсутствует эвфемизация.

Результаты исследования подчеркивают важность огласки данной проблемы и необходимость принятия совместных усилий со стороны СМИ, правительственных структур и общественных организаций в борьбе с фемцидом. Полученные результаты могут быть применены для выявления языковых средств легитимации и делегитимации фемцида с целью сокращения случаев убийства женщин на почве ревности и гендерного неравенства и борьбы с насилием над женщинами в Латинской Америке.

Перспективы исследования видятся в выявлении иных стратегий легитимации и делегитимации фемцида в латиноамериканской прессе, а

также расширению рамок исследования с привлечением языкового материала на другом иностранном языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажгихина Н.И. Способы преодоления гендерного разрыва в СМИ. Опыт итальянских журналистов // Гендер и СМИ. 2018. Вып. 9. С. 52–59.
2. Базарова А.В., Осохеева Б.Р. К вопросу об истории насилия над детьми в семье и обществе // Теория и практика общественного развития. 2018. Вып. 4. С. 1–5.
3. Барселей Р.Я. Дискурсивное конструирование текущих российско-кубинских отношений в онлайн-материалах кубинского информационного агентства «Пренса Латина» (“RL”) // Филологические науки. Вопросы и теории практики. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 147–153.
4. Беглов А.И. Веберовская концепция харизматической легитимности и современный политический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. Вып. 1. 215–224.
5. Будаев Э.Д. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 6 (60). С. 12–17.
6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Голоусова Е. С. Особенности конструирования образа женщины – жертвы гендерного насилия в период военного конфликта в Колумбии (на примере публикаций западных и латиноамериканских СМИ) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. Вып. 3 (199). С. 71–80.
8. Горностаева Ю.А. Репрезентация фемицида в латиноамериканских СМИ: от легитимации к делегитимации насилия над женщинами // Филологические науки. Вопросы и теории практики. 2021. Вып. 8 (86). Ч. 1. С. 91–94.

9. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. 2002. URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 12.10.2022).
10. Демушина О.Н. СМИ как инструмент легитимации институтов власти // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. Вып. 3. С. 71–75.
11. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Наука, 2008. 203 с.
12. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости Белгородского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Вып. 22 (13). С. 181–187.
13. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. Вып. 1(6). С. 45–56.
14. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Вып. 4. С. 26–37.
15. Доклад о фактах насилия против женщин [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.seguridad.gob.sv/dia/informe-de-hechos-de-violencia-contra-las-mujeres/> (дата обращения: 28.10.2022).
16. Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. Вып. 6. С. 147–156.
17. Драгель Л.В. Легитимация и насилие // Философия и культура. 2017. Вып. 6. С. 81–89.
18. Завершинский К.Ф. Легитимация политической власти: морфология научного дискурса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. Вып. 4. С. 4–18.
19. Козачина А.В. Реализация мифопоэтической стратегии легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 6. С. 20–26.

20. Колмогорова А.В. Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве // экология языка и коммуникативная практика. 2018а. Вып. 2. С. 99–117.
21. Колмогорова А.В. Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018б. Вып. 1. С. 33–40.
22. Колмогорова А.В., Горностаева Ю.А. Всё ли могут короли? или Стратегии легитимации испанской монархии в политическом медиадискурсе СМИ // Политическая лингвистика. 2021. Вып. 1 (85). С. 41–49.
23. Кулагина А.К. Репрезентация домашнего насилия и фемицида в российских СМИ: лингвистический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. Филология. Искусствоведение. 2022. Вып. 2 (44). С. 83–92.
24. Присекин А.В., Парин Д.В. Виктимблейминг или роль жертвы в совершении преступления // Юридическая наука. 2020. Вып. 5. С. 99–102.
25. Ромашова И.П. Легитимность как когнитивно-прагматическая дискурсивная категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 31 (322). С. 126–128.
26. Скиперских А.В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. 23.00.02 Воронеж, 2007. 47 с.
27. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. Вып. 2. С. 7–15.
28. Топилина А.В. Специфика уголовного законодательства республики Сальвадор в области защиты прав женщин и борьбы с фемицидами // Философия права. 2022. Вып. 2 (101). С. 41–47.
29. Шестак В.А., Савенкова П.Г. Особенности виктимологической профилактики в Аргентине // Государственная служба и кадры. 2023. Вып. 4. С. 280–284.

30. Beetham D. *The Legitimation of Power* // Macmillan. Basingstoke, 1991. 257 p.
31. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Doubleday, 1967. 125 p.
32. Bork S., Schoormans J.P.L., Silvester S., Joore P. *How Actors Can Influence the Legitimation of New Consumer Product Categories: A Theoretical Framework* // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2015. Vol. 16. P. 38–50.
33. Dawson M., Gartner R. *Differences in the Characteristics of Intimate Femicides: The Role of Relationship State and Status*. *Homicide Studies*. 1998. P. 378–399.
34. Deephouse D., Suchman M. *Legitimacy in Organizational Institutionalism* / R. Greenwood, C. Oliver, R. Suddaby, K. Sahlin (eds.) // *Sage Handbook of Organizational Institutionalism*. London, Sage. 2008. P. 49–77.
35. Dijk T.A. van. *Ideology: Multidisciplinary Approach*. London, 1998. 170 p.
36. Greenwood R., Suddaby R., Hinings C. R. *Theorizing Change: The Role of Professional Associations in the Transformation of Institutionalized Fields* // *Academy of Management Journal*. 2002. Vol. 45 (1). P. 58–80.
37. Joutsenvirta M., Vaara E. *Legitimacy Struggles and Political Corporate Social Responsibility in International Settings: A Comparative Discursive Analysis of a Contested Investment in Latin* // *Organization Studies*. 2015. Vol. 36 (6). P. 741–777.
38. Kneuer M. *Legitimation Beyond Ideology: Authoritarian Regimes and the Construction of Missions* // *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*. 2017. Vol. 11. P. 15–24.
39. Laïfi A., Jossierand E. *Legitimation in Practice: A New Digital Publishing Business Model* // *Journ. of Business Research*. 2016. Vol. 69. P. 2343–2352.

40. Leeuwen T., Wodak R. Legitimizing Immigration Control: A Discourse-Historical Analysis // *Discourse Studies*. 1999. Vol. 1. P. 83–118.
41. Saretzki T. Legitimation Problems of Participatory Processes in Technology Assessment and Technology Policy // *Poiesis and Praxis*. 2012. Vol. 9. P. 7–26.
42. Sica C., Huber M. “We Can’t Be Dependent on Anybody”: The Rhetoric of “Energy Independence” and the Legitimation of Fracking in Pennsylvania // *The Extractive Industries and Society*. 2017. Vol. 4. P. 337–343.
43. Suchman M.C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20 (3). P. 57–610.
44. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. London: Virago, 1991. 352 p.
45. Tolbert P.S., Zucker L.G. The Institutionalization of Institutional Theory // *Handbook of Organization Studies*. London: SAGE, 1996. P. 90–175.
46. Vaara E., Tienari J. A Discursive Perspective on Legitimation Strategies in Multinational Corporations // *Academy of Management Review*. 2008. Vol. 33. P. 985–993.
47. Vaara E., Tienari J., Laurila J. Pulp and Paper Fiction: On the Discursive Legitimation of Global Industrial Restructuring // *Organization Studies*. 2006. Vol. 27. P. 789–810.
48. Van Leeuwen T. Representing Social Action // *Discourse & Society*. 1995. Vol. 6 (1). P. 81–106.
49. Van Leeuwen T. *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis* // Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
50. Vidich A. Legitimation, Bureaucracy, and Watergate // *Conflict and Control. Challenge to Legitimacy of Modern Governments*. London. 1979. P. 133–159.
51. Weber M., *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley, CA: University of California Press. 1978. P. 453–470.

52. Zelditch M., Walker H. A. The legitimacy of regimes // Adv. Group Processes. 2003. Vol. 20. P. 217–249.
53. Alcocer Perulero M. Representación de las víctimas de feminicidio en la prensa guerrerense. México, 2012. 14 p.
54. Diccionario de la lengua española / Edición del Tricentenario [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения 10.04.2024).
55. El Universo [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://www.eluniverso.com/noticias/seguridad/son-lo-mismo-femicidio-y-feminicidio-nota/> (дата обращения: 04.12.2022).
56. Lagos Lira C. Una tipología del feminicidio según la prensa chilena. Manifestación de la violencia de género // Faro: revista teórica del Departamento de Ciencias de la Comunicación. 2008. Vol. 8. P. 1–12.
57. Vega Montiel A. El Tratamiento De La Violencia Contra Las Mujeres En Los Medios De Comunicación // Comunicación y Medios. 2014. Vol. 30. P. 9–25.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Diario de México [Электронный ресурс].
URL: <https://www.diariodemexico.com/> (дата обращения: 05.04.2023).
2. El Desconcierto [Электронный ресурс].
URL: <https://www.eldesconcierto.cl/> (дата обращения: 10.04.2023).
3. El Observador [Электронный ресурс].
URL: <https://www.elobservador.com.uy/> (дата обращения: 15.12.2023).
4. El Universal [Электронный ресурс].
URL: <https://www.eluniverso.com/> (дата обращения: 05.04.2023).
5. La Capital [Электронный ресурс].
URL: <https://www.lacapital.com.ar/> (дата обращения: 15.04.2023).
6. La Nación [Электронный ресурс].
URL: <https://www.lanacion.com.ar/> (дата обращения: 06.04.2023).
7. La Tercera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latercera.com/>
(дата обращения: 07.04.2023).
8. Miguel Ángel Luna Noticias [Электронный ресурс].
URL: <https://miguelangelluna.mx/> (дата обращения: 06.04.2023).
9. Página12 [Электронный ресурс].
URL: <https://www.pagina12.com.ar/> (дата обращения: 07.04.2023).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 О.В. Магировская

« 29 » июня 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ И ДЕЛЕГИТИМАЦИИ
ФЕМИЦИДА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ**

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. ТГРЯиПЛ
Ю.А. Горностаева

Выпускник

Н.Э. Садыгова

Нормоконтролер

Д.М. Тербалян

Красноярск 2024